

Посвящаю землякам моим, озерчанам

ДОРОГА «ПО СТОЛБАМ»

Притча

Дороги бывают разные, но они одни и те же для всех людей. Часто люди их не выбирают, а идут по тем, которое сами стелются перед ними. Но каждый проходит эту дорогу по-своему. Одни легко и быстро, другие – с трудом преодолевают отмеренные им километры. Так и жизнь – порой кажется, что человек настолько загнан ею в тупик, что ему только и остается сложить руки и ждать, что из всего этого получится. Другой же человек неведомо как извернется и смотришь – а он мчится дальше и исчезает из поля зрения.

– Надо же, – говорят про таких людей, – всё ему нипочем, изворотливый, как уж.

– Причем здесь изворотливый? – говорят другие, – Умный и знающий, с пониманием относится ко всему, поэтому его «шапкой не достанешь и на козе не догонишь». Пока ты будешь чухаться по колдобинам и объезжать лужи, он, глядишь, уже на большак вырулил и след его простыл.

А еще говорят «путевый человек», «непутевый человек», т.е. человек дороги или человек не дороги. Нет, такое сравнение слишком корявое. На Востоке понятие «путь» (дао) означает «судьба», но она понимается не так, как у нас: попал человек в сложную ситуацию, так жди, когда произойдет начертанное тебе судьбой. То, что тебе предопределено – сбудется, гласит древняя мудрость, но ты должен сам стремиться к чему-либо, тогда-то и преодолеешь свой путь, тогда твоя судьба сбудется, если же дорога не задалась, значит, что-то ты сам делаешь не так. Вернись из тупика назад и начни

свой путь снова. «Каждый должен нести свой крест сам» - так сказано в Евангелии.

А еще есть притча про двух путников, застигнутых песчаной бурей в пустыне. Буря не давала им двигаться, и спрятаться было некуда. Их мучила жажда и один путник постоянно пил воду, а другой – экономил ее на самый тяжелый случай. Когда у первого кончилась вода и он не мог идти, то сказал: «Я идти больше не могу и останусь здесь. Может, какой случайный караван подберет меня. Дай мне напиться воды, я не могу больше терпеть жажду».

– Ты не дождешься каравана, - сказал второй путник, - все они пережидают бурю в укромном месте. Нужно идти, т.к. один ты погибнешь. А воды я тебе не дам, ты не послушал меня и выпил всю свою воду, а моей на двоих не хватит и мы погибнем вместе. Если ты не хочешь идти, то я уйду один.

И он, с трудом передвигая ноги, двинулся в путь. Когда силы почти покинули его, он увидел невдалеке караван, умело расположившийся переждать бурю. Караванщики приняли его и спасли от гибели, а на дне его кожаного мешка еще оставалось несколько капель воды. О судьбе своего попутчика он больше ничего не слышал.

Так пусть будет тебе «путь-дорожка», человек, следующий за своей судьбой.

*«Подмосковный городок,
липы желтые в рядок...»*

Послевоенные годы на Оке в Подмосковье, как и, наверное, везде, внешне были похожи на бесшабашное времяпрепровождение уставшего человека, который каждую свободную минуту стремится заполнить чем-то, что отвлечет его от изнуряющих забот и мыслей о завтрашнем дне. В те годы люди стремились как-то обустроить свою жизнь в новых послевоенных условиях. Тогда казалось, что пройдет совсем немного времени и все печали наконец-то отступят и останется только радоваться жизни. Но, вместе с тем, внутри человека сохранялся привычный страх, а вдруг ничего не произойдет, и жизнь уготовит им новые испытания. Это была общая судьба всех, но каждый понимал ее по-своему и жил своей жизнью. Мы, хотя и жили в районном центре, но находился он далеко от Москвы, на самом краю области и являл собой захолустье – пример сельскохозяйственного Нечерноземья. Москва с берегов Оки виделась сказочным, недостижимым городом надежд. В нее верили, как в источник предстоящих свершений и перемен к новой жизни. Редкие экскурсии в Москву становились целым событием и предметом воспоминаний на долгое время. Один Зоопарк чего стоило посмотреть, а Ленинские горы с их Университетом представлялись нереальным видением, и никто из нас не мог представить, что с годами туда можно будет приехать и учиться. Куда там...

Приметы того времени постепенно стираются в памяти поколений. И люди по-разному судят, хорошо это или плохо. Но, при каждом удобном случае, вспоминают их и наперебой рассказывают другим.

Мне вспоминается маленький текстильный городок на берегу Оки, куда война, слава Богу, не дошла своими кованными сапогами и гусеницами танков, а только лишь дотянулась несколькими бомбежками и обстрелами с самолетов, не принесшим особого вреда

городу, хотя трагически завершившимся для одного из «налетчиков».

* * *

Самолет был подбит за городом, над противотанковым рвом, но не разбился, а спланировал на приокскую пойму и прямоком угодил в ров, чуть ли не на головы женщин-землекопов. Он чудом не взорвался, наверное, потому, что горючее в нем было на исходе. Лицо смертельно раненого пилота было сплошь залито кровью. Он только и смог отодвинуть «фонарь» кабины, отстегнуть ремни и перегнуться через борт. На этом силы покинули его, и он потерял сознание.

Испугавшиеся женщины не знали что делать, окружили самолет и пока судили-рядили, как поступить, с ближайшей зенитной батареи подоспели солдаты, которые забрались на крыло самолета, вытащили из кабины пилота и спустили его на землю. Один сержант забрал летный планшет, обыскал пилота и достал из нагрудных карманов его документы и что еще там было: фотографию, письма, что-то еще. Он внимательно посмотрел летное удостоверение и перевел взгляд на пилота. На лице его выразилось явное удивление, протянув руку вперед, он снял с пилота шлемофон, из которого высыпались светлые волосы. От неожиданности сержант чуть отпрянул назад, толпа женщин «охнула», а в следующий момент послышались негодующие крики проклятий, и полетели камни в сторону женщины-пилота. Некоторые из них пытались дотянуться до нее и схватить за волосы.

В это время к месту происшествия подкатил грузовичок и из его кабины выпрыгнул офицер в форме НКВД. При виде его женщины затихли, а сержант, как положено, доложил обстановку. Умиравшего пилота погрузили на грузовичок, и он укатил в город. Солдаты вернулись на батарею, а женщины к своей работе, продолжая шумно обсуждать происшествие, которое для них было непривычным, а пилот-

женщина вызвала негодование: «Надо же, сама баба и стреляет по бабам, да еще и безоружным. Сидела бы дома с детьми. Вот стерва, так ей и надо, детей вот только ее жалко, останутся теперь сиротами».

Об этом событии к вечеру того же дня узнал почти весь город, оно еще долго перемалывалось вдоль и поперек, обрастало такими невероятными подробностями, что по спинам слушающих пробежал нервный холодок. Рассказы вскоре выросли в легенду о том, как наши женщины (те, кто пошустрее и поздоровее) после того, как самолет рухнул буквально на их головы, вскочили на крыло самолета и вытащили пилота наружу. С восторженными криками победительниц они столкнули пилота с крыла на землю, и, яростно завопив: «Бейте его, бабы!», налетели на уже полуживого человека и принялись молотить его лопатами и кирками.

Они били в иступлении, выкрикивая проклятья, густо сдабривая их матерщиной. Постепенно охрипшие крики перешли в тупое рычание, от которого самим же истязательницам становилось страшно. Некоторые из них, те, кто помоложе, увидев, как тело человека превращается в бесформенную массу грязи, замешанной на крови несчастной жертвы, с ужасом бросали лопаты и отбегали в сторону, некоторых рвало, других била нервная дрожь. Но это уже не имело никакого значения: свершилось то, что должно было свершиться!

Оставшиеся женщины продолжали свое дело. На губах некоторых из них выступила пена, глаза блестя безумием совершённого возмездия за мужей и сыновей, погибших под обстрелом таких вот молодых, как этот мальчишка, ястребов; за их тяжелую бабью долю, выпавшую некстати в то самое счастливое время, когда «только и жить-то начали», «встали на ноги», «вздохнули по-человечески».

Они били не плашмя, а ребром лопаты, как рубят в засолку капусту, но били не сдержанно, рассчитывая, как правильное рассечь кочан, а наотмашь, с

плеча, наверняка, как будто перед ними был не один человек, которому достаточно одного такого удара, а все те, кого мужики, сами сгинув, упустили там, под Смоленском.

Кто-то крикнул:

– Энкэведешники едут!

И толпа поспешила рассеяться по своим рабочим местам.

Подъехал грузовичок с несколькими солдатами и двумя офицерами. Один из энкэведешников забрался на крыло самолета и начал осматривать кабину. Другой, не сразу, увидел под крылом останки того, что недавно было человеком. На какое-то время он оторопел от увиденного, привычным движением руки приподнял козырек фуражки, достал папиросы, закурил, еще раз медленно оглянулся на противотанковый ров. Женщины дружно размахивали лопатами, делая вид, что происходящее их не беспокоит, и они заняты своим делом.

Молоденькие солдатики окружили место побоища. Их охватило то же чувство, которое неизбежно посещает нормального человека при виде подобного ужаса.

Из грязи торчали ребра и кости еще не остывшего трупа, масса окровавленных кишок дымилась в прохладе наступившего вечера. Лицо пилота невозможно было разглядеть, собственно, от него ничего не осталось, и только плотный кожаный шлем не давал всему этому окончательно раствориться в грязи.

Офицер бросил папиросу, затоптал ее сапогом, потянул за торчащий ремешок и вытащил из месива летный планшет. Кто-то из солдат подал тряпку. Он кое-как обтер планшет, открыл его, достал оттуда карту и фотографию. На него смотрели веселые лица молодой красивой блондинки и ее улыбающейся дочки, которую она держала на руках. Голова дочки была вся покрыта кудряшками и увенчана большим бантом. Их обнимал улыбающийся мужчина, весь

вид которого был насыщен здоровьем и радостью жизни.

– Достаньте личные документы фашиста из нагрудного кармана, – скомандовал офицер. Было очевидно, что самому ему не хотелось возиться в этой жиже. Тем более, что «этот карман» нужно было еще найти.

Солдаты с неохотой, кто чем, начали разгребать куски мяса, остатки одежды, обрубки ребер. Кто-то из них потянул за шлемофон и вывернул из него содержимое. На земле вместе с разбитым в куски черепом рассыпалась густая прядь светлых длинных волос. На какой-то момент всех охватила оторопь от неожиданности увиденного. Пилот оказался женщиной.

– Как будем оформлять? – спросил второй офицер у старшего, не отрывая взгляда от волос, как теперь выяснилось, женщины-пилота.

Старший еще раз посмотрел на фотографию, обернулся на окончательно притихших женщин в противотанковом рве.

– Оформляй как положено, – тихо сказал он, – так, мол, и так, фашистский стервятник скончался от ран, не приходя в сознание, похоронен в установленном порядке. Сержант, засыпьте это землей поплотнее и раскатайте машиной, как будто ничего не было. Поехали, что здесь прохлаждаться? Дел еще до черта, – как-то задумчиво сказал он.

Возле машины офицеры отерли кое-как о траву вымазанные по щиколотку в грязи и блевотине сапоги, нервно хлопнули дверьми, и машина увезла их в город.

– Ну и как тебе все это?

– Как-как? В таких случаях говорят: «Пошла не дорогой, встретила не путем».

Доколе ж будет злая память мучить нас тяжкими воспоминаниями, не пора ли угомониться? Наверное, не пора. Если мы, хотим того или нет, помним об

этом, значит, не пришло время забвения, значит, не прошло то время, а новое еще не наступило.

Майор НКВД в отставке, который рассказал мне эту историю (ранее уже слышанную мною в разных вариантах), долго смотрел в окно, он был уже немолодым человеком, без погон, но в форме, как любили многие фронтовики ходить после войны, завершил свой рассказ словами:

— Я как глянул на фотографию, аж обомлел весь, как будто это мы с Татьяной и дочкой Аней фотографировались перед войной у нас в Питере на Петроградской. Та девочка с фотографии, ну точь-в-точь двойняшка Ани, даже бантики у девочек одинаковые. Не знаю, что с моими стало, только после войны, когда я демобилизовался и приехал в Питер, от нашего дома осталась груда развалин. Вот и вернулся я к вам на Оку, подальше от этих развалин. А в ту сторону, куда упал тогда самолет, стараюсь не ездить. А рассказы о том, как женщины молотили «ее» лопатами — все это сказки. Они перепугались и затихли, будто куры. Да и злобы такой у них еще в ту пору не было. Фашистских зверств они не видели, не голодали. И вообще, наши бабы на такое не способны, надрать волосы, да обложить матом — это они могут, а вот чтобы так, лопатами...

И он замолчал, продолжая задумчиво смотреть в окно.

* * *

По утрам город просыпался от истошного свиста фабричного гудка. Это явление, давно забытое сегодня, было тогда обыденным. Так объявлялась новая рабочая смена на фабрике. Народ в то время был бедный, а потому многие не имели наручных часов. Дешевые часы-ходики, которые висели на стенах в домах рабочих, показывали разное время, т.к. делались из низкосортного материала, собирались небрежно, а главное — давно отслужили свою службу. И кошки, изображенные на часах, устали кокетливо косить гла-

зами то в одну, то в другую сторону в такт маятнику и просились в чулан на покой. Так что без свистка было не обойтись, тем более, все знали, что опоздание на работу грозило суровым наказанием и даже тюрьмой, а с такими порядками шутки не шутят.

Город в пересменке на фабрике напоминал расстроенный муравейник. Со всех концов спешили люди, в основном работницы, в одном направлении, а в другом – двигались усталые текстильщики после смены. Работали тогда в три смены, поэтому такое столпотворение повторялось каждый день трижды.

Я любил залезать на забор и смотреть на эту нескончаемую вереницу. Мой малый возраст не позволял тогда понять многого из происходящего вокруг.

– Почему все они так спешат? – думал я. – И зачем? Ведь, если они так плохо одеты в эти потертые, заношенные платья и просто халаты, обуты в старые со сбитыми пятками туфли, а то и просто тапочки, значит, им платят мало денег. Зачем тогда работать? В такой хороший день лучше бы за грибами сходили или загорали на Оке. Есть же люди в городе, которые просто гуляют, пьют газировку с сиропом, едят мороженое.

А еще я думал, что они ходят на фабрику, чтобы таскать оттуда ткань, т.к. постоянно в разговорах взрослых приходилось слышать, что поймали такую-то и такую с куском материи, что был обыск у такой-то дома, но ничего не нашли, успела хорошо спрятать.

Это уж потом я пойму, почему ходили эти печальные женщины в шумные и пропахшие характерным запахом цеха, от которого постоянно хотелось кашлять и слезились глаза: не для того, чтобы «тащить» – от безысходности своего нищенского положения, т.к. другой работы с хорошим заработком в городе не было. Жили многие из них без мужей, погибших на войне, да с двумя, а то и тремя детьми, да больными стариками-родителями. И всех надо было

накормить и одеть. Вот и приходилось, со страхом и риском, таскать с фабрики куски материи и шить из нее халаты и простыни, приторговывать украденным. А после смены газировки с сиропом им хотелось не меньше, чем праздным гулякам, но пили они в основном просто газированную воду без сиропа.

— Тридцать копеек, но все экономия, а где ж на все денег взять? Да в воскресенье детям по рублю на кино и по рубль тридцать на мороженое, хочешь не хочешь, а дать надо, - размышляла какая-нибудь ткачиха. — Слава Богу, на этот раз опять пронесло: охранник замешкался с товарками, удалось проскочить. Зинка просила кусочек на простынь, вот несколько рубликов на воскресенье и будет, глядишь и на четвертиночку к обеду останется. Э-эх, жизнь наша, всё в одни руки, хоть бы мужичка какого отхватить, а то так и свекуешься, света белого не увидишь.

* * *

Вечерело. Женщина сложила руки на подоконнике, положила на них голову и стала тихо смотреть в окно. Сумерки несли с собой какое-то умиротворение, а с ним отступала усталость, и хотелось сидеть так долго-долго, ни о чем не думая.

Во дворе, в кустах сирени, на скамеечке привычно расположились соседские бабульки и дед, которого домочадцы выставляли на вечер во двор, чтобы он на ночь не прокуривал квартиру едким самосадом. Курил дед неспехом, с каждой затяжкой щурясь и как бы обдумывая какое-то серьезное дело. Старушки тихо беседовали о своем и грызли семечки.

— Тимофеевна, — обратился дед к ближайшей от него бабульке, — твои чево завтра делать-то будут?

— Чево-чево? А то ты не знаешь, — отозвалась Тимофеевна, — чево люди по выходным делают? Это с какой стороны не зайти. Хоть Таньке: и дома убратся надо, всю неделю тряпку в руки не брала, в три смены вкалывала, как проклятая, а сама, смотри, все дохает, как чахоточная. Постирать, погладить, да

разве все дела переделаешь? Будь они прокляты, прости Господи. Здесь с фабрики кусок товара притащила, хочет простыни настрочить. А в сарай выйди: одних дров в зиму колоть не переколоть. Август уже начался, Федька-риголет, чтобы о нем ни говорили, а вон поди ж ты, уже и напил, и наколот, и убрал на ползимы, да каких – отобранной березы. Или в огород загляни. Там вообще говорить нечего, только давай, а скоро капусту рубить. Ты говоришь «чево делать?». Как моя бабка говорила: «Если ты не знаешь, чево делать, дела сами к тебе придут», вот только беда: рук на все не хватает. Щас бы Мишку из под Смоленска, да Сашку из под Мала-Ярославца поднять – те бы отцу-матери подсобили. Рукастые были ребята.

– Вот, Тимофеевна, – всплеснула руками ее соседка, – твои делом заняты, а мой, как женился на этой фэззушнице, так совсем голову потерял, от дел отбился. От них только и слышишь: «Человек рожден для счастья, как птица для полета». Я-то вначале думала, что они хотят записаться в летческий клуб или кур завести. Оказывается, они просто работать не хотят. Им подавай, видите ли, красивую жизнь, деньги-то транжирить. Я ей говорю: «Милая, что ж такое ты делаешь? Люди на хлеб товар несут с фабрики по кусочку, а ты с жульем связалась, «штуками» воруете и торгуете почти открыто. Ведь, неровен час, придут и вмиг заарестуют». А она мне, знаете, что на это отвечает? «Не за тем, мама, я за тысячу километров сюда ехала, чтобы в огороде ковыряться да дрова рубить. А придут, так они тоже люди. Откупимся, да, мой хороший?». Это она Сашке, а тот слюни распустил, говорит: «Да ладно, мам, прорвемся. В сорок первом под Москвой и то прорвались, а сейчас уже 1953-й, скоро, вообще, все уже совсем по-другому, говорят, будет».

– Ну, мне пора, – заспешил дед, – а то чайник простынет.

– Да, засиделись, – поддержала деда Тимофеевна, и все спешно разошлись по квартирам.

– Пожалуй, и я пойду, – в задумчивости, ни к кому не обращаясь, пробормотала непонятливая старушка и направилась домой.

* * *

Мне всегда нравилось воскресенье тем, что в этот день все были дома. Первой вставала бабушка, она неслышно собиралась и уходила на кухню, где возилась с плитой и готовила завтрак. Затем вставали родители: мама расшторивала окна, и квартира наполнялась лучами солнца, отец включал «радиоточку» – настоящие радиоприемники, если у кого и были, то трофейные, и они не столько передавали радиопрограммы, сколько пищали и хрипели, – из которой неизменно слышалось: «Здравствуйте, товарищи! Говорит Москва! Начинаем нашу передачу «С добрым утром!»

Начинала играть музыка, веселые голоса рассказывал смешные истории, а Миров и Новицкий дурачили слушателей своими приколами. На душе сразу становилось легко и весело.

На завтрак бабушка чаще всего подавала блины и яйца. Благо, мука в доме не переводилась, т.к. отец, будучи партийным работником, получал паяк, и яиц было немеренно от своих кур, которых содержала семья, как и многие тогда, в иные годы до 20-30 штук. Сейчас мне даже кажется – люди в послевоенные годы выжили благодаря курам, мясо которых шло на суп-лапшу, а яйца были настолько универсальны, что их добавляли куда угодно, разве только не клали в соленую капусту. Наверное, поэтому, когда семья переехала в Москву, я многие годы не мог переносить даже запах курятины и вида яиц.

После завтрака вся детвора из ближайших домов снаряжалась в кино. Кинотеатр, вернее Дворец культуры, был в городе один и находился в центре. Из каждого дома к нему следовала своя кучка детворы.

Незабываема традиция брать с собой в дорогу бутерброд, по которому можно было судить о состоянии семьи. Кто посостоятельнее, намазывал белый хлеб сливочным маслом, кто попроще – черный хлеб поливал растительным маслом и посыпал солью, иногда сахаром. Но дети, есть дети, и для них любой бутерброд в чужих руках всегда казался толще и вкуснее, чем свой, поэтому значительную часть пути они обсуждали, кто что больше любит и, как правило, просили дать им откусить. Всеобщее веселье вызывало, когда кто-то из попрошаек нарывался на кусок с горчицей, вместо, как он рассчитывал, хлеба с медом.

Город наш был невелик, но Дворец культуры не мог вместить всех желающих, поэтому очередь в кассу за билетами сбивалась в толпу разновозрастных людей, которую в ее «едином порыве» сдержать было невозможно, и милиция здесь старалась не появляться. Штурм кассы продолжался до последнего билета. Здоровенные дяди, невзирая на женщин и детей, нахрапом рвались вперед, давя перед собой всех, кто не хотел уступать им дорогу. Отчаянию тех, кто не мог прорваться к кассе и находился на недостижимом расстоянии от нее, не было предела, особенно если показывали «Пархоменко» или другие фильмы «про войну» и, не дай Бог, комедию. Не попасть в кино в воскресенье – считай, выходной день прошел впустую.

Старенькая касса, до тех пор пока ее не сломали, наверное, помнила, сколько детских слез было пролито в безнадежных ожиданиях «лишних билетиков». Но толпа счастливых обладателей билетов редела и уносила с собой в кинозал наши надежды увидеть чарующие кадры кино. Фильмов в то время было мало, поэтому мы их смотрели неоднократно, но интерес наш к ним от этого не пропадал, и всегда заново хотелось вновь и вновь увидеть, как Александр Пархоменко на этот раз будет громить банду батьки Махно, а Орленок перехитрит фрицев.

* * *

В воскресные дни к полудню центр города наполнялся по-праздничному одетыми людьми. Из окон домов доносилась музыка, бодрившая и без того приподнятое настроение людей и придававшая особый колорит воскресной обстановке.

Каждому времени присущи свои престижные атрибуты, без которых жизнь казалась неполной. В пятидесятые годы гости, приходившие к вам в дом, первым делом спрашивали: «А где у вас трюмо?» После чего: «А какой у вас патефон, с адаптером?»

Патефон с адаптером! Это вам не какой-нибудь допотопный граммофон со здоровенной усиливающей трубой. Это передний край звукотехники Коломенского патефонного завода, особенно с адаптером, через который он подключался к электросети и можно было регулировать звук. Когда открываешь красный дерматиновый корпус – внутри характерный запах, уже только от него хочется петь и плясать. Заводится не как «полуторка» кривой ручкой, а подключается к электросети. Вы ставите на покрытый зеленым сукном никелированный по краям диск, легкий щелчок переключателя, диск начинает вращаться – и вот вам, пожалуйста: «Брызги шампанского» на всю комнату, добавили звук – на весь двор или улицу.

Народ у нас, в основном, простой и по-своему добрый. Владельцы такого чуда не могли пользоваться им в одиночку, поэтому часто ставили патефон на подоконник рядом с геранью у открытого окна, чтобы поделиться своей радостью с прохожими, а заодно и обозначить достаток.

Пройдясь по центральной улице города, можно было прослушать весь современный репертуар от социально насыщенной «Я люблю тебя, жизнь», в исполнении Марка Бернеса, до безалаберной «Мишка, Мишка, где твоя улыбка?». Особенно прохожие притормаживали у окон, откуда доносилась почти запрещенная «Красная розочка», наконец, верхом удовольствия было услышать Петра Лещенко «Девочка моя». Такие песни Центральная студия звукозаписи

не записывала. Они имели хождение «на ребрах» – верх технического совершенства «народных умельцев».

Почему «на ребрах»? Потому что брали рентгеновские снимки грудных клеток (отсюда название «на ребрах») и специальным, в общем-то, простым устройством переписывали музыку песни. Такая деятельность наказывалась как развратный подпольный бизнес, но стремление людей к запретному плоду было сильнее «карающего меча правосудия». Так что хотите? Петра Лещенко? Получите! Из кустика герани на подоконнике уже доносится до боли знакомые:

Девочка моя, ненаглядная,
В каждом, каждом сне вижу я тебя.
Досмотреть нет мочи,
Утомились очи,
Все исчезло, как во сне.

Под «сводный концерт» популярных исполнителей молодые девушки и женщины щеголяли в разноцветных крепдешиновых платьях, их пышные прически облегали маленькие шляпки с перышком или букетиком искусственных цветов.

Похвастать крепдешиновым платьем могли не все, поэтому значительная часть женского населения ограничивалась не менее пестрыми ситцевыми платьями. В любом случае, во всех этих дамочках трудно было узнать зачумленных текстильщиц, еще вчера спешивших на смену под ненавистный свист фабрики.

Влюбленные парочки и просто компании молодежи направлялись, в сад Дворца культуры, где на открытой веранде уже готовился духовой оркестр (или, как его называли в шутку, «паровой оркестр»). С его первыми аккордами парк и центр города наполнялись торжественным весельем, а танцплощадка – танцующими дозволенные танцы. И не дай Бог, какая-либо подвыпившая парочка позволит себе выкинуть вихляющими задницами срамные фортели. При-

ставленные на этот случай дружинники быстро разбирались с несдержанными в своих порывах молодыми людьми, выставляя их за пределы парка.

В перерыве танцев все расходились по саду. Девушки непременно угощались мороженым и ситро, наиболее удачливым перепадало от их кавалеров по коробочке конфет или зефира в шоколаде. Их спутники предпочитали пиво. Отдыхающие, не заведшие еще знакомств в дамском обществе, тянулись к палаткам, где наливали по сто граммов водки, а к ней непременно подавали бутерброд с икрой или килькой. Эти молодцы к вечеру, как правило, становились инициаторами ссор и драк. Считалось, что если вечер в саду закончился без драки, то отдых был неполным.

* * *

Дрались, главным образом, из-за девок. А таких вертихвосток хватало. Дело в том, что уже в те годы в промышленных городах стала появляться молодежь, которую потом будут называть «лимитой». Своих рабочих на фабрике не хватало, поэтому администрация рекрутировала всяких бездельников и шалопаев по глухим углам и окраинам страны. Но какими бы они ни были, они были молодыми людьми, как и все, стремившимися к хорошей жизни.

В те времена в глухих уголках страны значительная часть молодежи не хотела «гнуть спину» в изнурительном труде. Ее манила красивая жизнь без забот, которой («есть же люди на свете») пользуются другие, но не они. Работа на фабрике, заводе или на стройке в Москве, пусть даже не в Москве, но где-то там под Москвой, казалась забавой, а не тем изнуряющим трудом, которым они вынуждены были заниматься с детства. Пропаганда добавляла оптимизма: девушки «без адреса», «с характером» и «с гитарой» на экранах кинотеатров волновали воображение отчаявшейся молодежи в захолустье «медвежьих углов». А здесь вам, пожалуйста: «Приглашаются молодые люди для работы на хлопчатобумажном ком-

бинате в Подмоскowie или на стройки коммунизма. Одиноким предоставляется общежитие, а после пяти лет работы – постоянная прописка и квартира». Толпы молодежи под гимн «Трудовых резервов» - «Вот эти руки, руки молодые, руками золотыми Родина зовет» - хлынула в центральные районы России.

Партия умела придать соответствующую форму «проводимым ею мероприятиям». Рекрутируя дармовую рабочую силу, старые «Никольские казармы» и прочие бараки преобразовывались в общежития с многоместными комнатами, общими кухнями и удобствами в конце коридора. Неграмотную молодежь нужно было обучить ремеслу. Пожалуйста - Фабрично-заводские училища, которые местные жители стремились обходить стороной. Вот и получилось, что внешне все представлялось достаточно оптимистично, а в жизни, наоборот, возникали проблемы.

Администрация общежитий, милиция и общественность всячески старалась поддерживать в общагах порядок, пытались бороться с антисоциальными явлениями в них, но тщетно: образцами коммунальной жизни они так и не стали. Поэтому необходимо было «усиливать коммунистическое воспитание молодежи и борьбу с антисоциальными проявлениями в действиях отдельных ее представителей».

Так и пошло: Комитеты ВЛКСМ и парткомы КПСС предприятий неустанно трудились над персональными делами, а в свободное время вместе со всей страной распевали:

Подмосковный городок,
Липы желтые в рядок,
Подпевает электричке
Ткацкой фабрики гудок.
Городок наш ничего,
Населенье таково,
Незамужние ткачихи
Составляют большинство.
Ходят девочки в кино,
Знают девочки одно:

Уносить свои гитары
Им придется все равно.

Тактика ребят на танцах заключалась в том, чтобы к вечеру закадрить чувих, как их называли, и провести ночь в их общежитии. Вот на этой почве и происходил естественный отбор среди молодцов, претендентов на «Дон Жуанов».

Драки доходили порой до масштабов значительных. С криками: «Наших бьют!» танцевальщики бросали своих девушек и мчались в дальний угол сада, где шел дележ молодых красавиц. Ножи в то время применялись в драках редко, хотя за поясом или голенищем сапог их многие имели. Но забор раздирался на штакетины часто, и многим после этого уже было не до общежития.

Дрались почти все: и юноши в трикотажных рубашка с модной шнуровкой вместо пуговиц, в белых парусиновых ботинках, еще утором начищенных зубным порошком и весь день оберегаемых от пыли, и удалцы-молодцы в вельветовых куртках по пояс, с заправленными брюками в сапоги-гармошки, начищенные до зеркального блеска. Степенные мужчины в бостоновых костюмах и шляпах предпочитали не вмешиваться, они разворачивали своих дам и ретировались из сада на улицу. При этом многие из них вздыхали: «Эх, неохота вмешиваться, а то бы я тому шустрому с золотой фиксой показал, как я немцев голыми руками давил в окопах».

Механизм завершения драки был отработан давно: дружинники всем скопом бежали во Дворец культуры к телефону, кто первый успевал, хватал трубку и звонил в милицию, при этом настойчиво требовал непременно записать его фамилию. Приезжавшие милиционеры вначале оглашали сад трелями своих свистков, выжидали какое-то время и бежали на место свары. Милиция в те годы была еще в почете, и никто не хотел с ней связываться, поэтому, прибежав на место драки, милиционеры фактически никого не

заставали. Они составляли протокол со слов свидетелей и уезжали.

Нам редко приходилось быть свидетелями таких столкновений, т.к. мы старались быть детьми воспитанными и в это время обитали уже в пределах своего двора, в худшем случае, во дворе соседском.

«Безотцовщина»

Во дворе в кустах сирени, сменив ушедших домой бабушек, дети играли в «Садовника» или в «Фантики», когда это надоедало, рассказывали друг другу различные истории, многие из которых придумывались тут же на месте, по ходу разговора. И чем ниже становились лучи заходящего солнца и начинали прятаться за крышами домов, тем страшнее становились эти истории.

— Я в садовниках родился... — отсчитывала считалочку полненькая Нинка, за что ее прозвали «жиртрест».

Когда ребятам становилось скучно, они шли «вытрясать из Нинки жир». Щипали ее за бока, щекопали под мышками, а более шустрые и смелые хлопали по попке и приговаривали: «Жиртрест, жиртрест, дай сальца блины помазать».

Нинка отчаянно сопротивлялась, взвизгивала, размахивала кулачками и, не дай Бог кого, извернувшись, хватит за волосы. Оторвать ее руку от несчастного было невозможно, и наступало его время выть и взвизгивать. Рука Нинки разжималась только тогда, когда ребята разбегались в разные стороны.

— ...Не на шутку рассердился. Все цветы мне надоели, кроме...

Нинка оглядывала всех нас, думая, кого бы выбрать. В это время из куста сирени высунулась нагловатая морда Сашки с линялой кепкой на голове, повернутой козырьком назад, который прокричал, стараясь соединить слова с ржанием лошади «ме-е-е-ня». От неожиданности все вздрогнули.

– Дурак, – рассердилась Нинка. – Всю игру испортил.

Вслед за Сашкой из кустов вылезла его команда шустрых пацанов, а потому общепризнанных в кругу наших бабулек хулиганов.

– Вы вот здесь в цветочки все играете и ничего не знаете, – вальяжно усаживаясь на скамейку и делая серьезный вид, сказал Сашка. – А под Подольском «Черную кошку» поймали.

– Ну и что, – весело заметил кто-то, – я вчера поймал в голубятне у отца рыжего кота. Сходи на пруд, он там до сих пор пузыри пускает. Вредный был кот, повадился голубей наших жрать.

– Сам ты рыжий, – продолжал Сашка, – «Черная кошка» – это банда, которая подпихивала под двери кошку, ей крутили хвост, чтобы она орала благим матом. Когда хозяева открывали дверь посмотреть, что там делается, они врывались в дом и все там грабили, а хозяев убивали.

Сашка умел рассказывать так, чтобы нагнать на слушающих страх. Наши «садовники» притихли, прижались к друг другу и, затаив дыхание, слушали Сашкин рассказ.

– Несколько бандитов, самых главных, – продолжал он, – сбежали, говорят, скоро должны появиться у нас. Я, на всякий случай, на рынке во чево выменял, – Сашка достал из кармана самодельную финку с блестящим лезвием и наборной разноцветной ручкой, от которой у ребят перехватило дыхание: все мечтали о такой.

– Сашк, дай посмотреть, – загомонили ребята.

– В руки не дам, рано вам еще. Смотрите так.

Сашка замахал финкой, показывая, как он будет справляться с бандитами, потом повернулся к электростолбу, прицелился и лихо всадил в него финку.

– Вот так-с, – с гордостью произнес он, – а вы фантики раскладываете.

– А я... я, – вскочил разгорячившийся Мишка, заикаясь от волнения и не зная, что придумать, – я с

ними и без твоей финки справлюсь, пусть только покажутся здесь, меня отец приемчику научил. Он на войне этим приемчиком трех фрицев сразу уложил. Я вам его и показывать не буду, отец не велел.

— А вот еще, рыбаки на Оке рассказывали, - продолжал нагонять страху Сашка, - недавно арестовали банду, которая из людей мыло делала.

При этих словах Сашки «садовники» окончательно замолкли.

— Они устроили на кладбище ловушку. Кто ночью шел через кладбище, в определенном месте, у них под ногами проваливался замаскированный черный люк, и человек падал прямо в котел с кипятком. Из него вываривали все, что надо, и из этого делали мыло.

— Так одна ткачиха шла после вечерней смены уже затемно в деревню напрямик через кладбище, и угодила в этот котел, а ее муж купил на рынке у одного калеки мыло. Смотрит, а в нем ногти покрашенные, как у жены. Ну, он, конечно, побежал в милицию, тогда милиционеры и поняли, куда стали пропадать люди. После этого они скоренько выследили банду и всех расстреляли.

* * *

— Сашка, - позвали из кустов.

— Шкет, - отозвался он, - ну, что принес?

— А ты как думал?

Сашкина команда скрылась в кустах, оттуда стали доноситься обрывки фраз.

— Чего не полную-то налил? Огурчика-то не захватил?

— Там мало осталось, боюсь мать заметит.

— Того гляди, она придет с налитыми глазами и тебя-то не заметит.

— У меня кусок хлеба остался, - сказал кто-то из Сашкиных.

— А у меня кусок жмыха.

– Что это они? – спросила Нинка у «садовников».

– Не знаешь, что ль? У Шкета мать самогонку гонит, вот он Сашке иногда и отливает.

Сашка был постарше нас. Жил с бабкой, относился к ней хорошо, старался не обижать. Рос, как и многие во дворе, безотцовщиной. Когда пришла похоронка на отца, мать, долго не мешкая, вышла замуж за какого-то барыгу, и они уехали ближе к Москве, но деньги на сына присылала регулярно. Сашка хоть и рос балбес-балбесом, но, в целом, малый был добрый, за своих ребят всегда заступался. Рассказывал не только страшные истории, но умел смешить компании. Околачивался не только у себя во дворе, но часто и надолго куда-то пропадал. Говорили, что он со взрослыми мужиками приворовывает, браконьерничает с рыбаками на Оке. Учиться он не любил, хотя иногда ходил в школу, а работать не хотел.

Лет в шестнадцать он получил свой первый срок, как и многие в то время, но годам к двадцати пяти одумался, женился и работал парикмахером. Рассказывали, что он был чуть ли не лучшим мастером в парикмахерской. С годами запил и в семье его все пошло наперекосяк.

– Ну, что, пацаны, – вытаскивая из четвертинки бумажную пробку, весело предложил Сашка, – кто хочет хлебнуть первым?

Кто-то из ребят отказался под предлогом, что «тебе самому здесь пить нечего», кто-то честно сознался, что не любит это самогонище, кто-то мечтательно пожалел, что это не винишко («оно сладенькое»).

Шкету хотелось выглядеть перед друзьями таким же разухабистым, как Сашка. Тем более, над ним и так посмеивались. Был он тех же лет, но выглядел моложе, т.к. был маленьким и щуплым, с всегда выпученными, слезящимися глазами, быстро уставал. Как и многие в то время пацаны – часто голодный и

даже на черный хлеб всегда смотрел с явным намерением спереть хоть кусочек.

Его мать работала на комбинате, после смены пропадала невесть где и возвращалась домой поздно, часто пьяная. Поэтому в их коммунальной комнате порядка не было, под потолком в углах скапливалась паутина, кастрюли и посуда валялись грязные. Вкусные запахи хорошей еды посещали их жилище редко. Соседи подкармливали порой Лешку-шкета чем могли.

Недолго думая, он взял у Сашки бутылку и, как бы привычным движением, опрокинул ее в рот, сделал два-три глотка. Самогонка так резанула по горлу, что у Шкета не осталось сил вынуть бутылку изо рта. Он поперхнулся и, когда Сашка вырвал у него наконец бутылку, еле-еле перевел дыхание, долго кашлял и отплевывался. Ему протянули кусок хлеба, кашель не позволял закусить. Было очевидно, что дома у матери он самогонкой не балуется, а это выпивка, как выяснилось, была первой в его жизни.

— Покашляй, покашляй, — участливо проговорил Сашка, — не ты первый, не ты последний, когда никогда, а все равно начал бы и ты. Молодец, Шкет, отчаянный, не то что эти «фантики-садовники».

Сашка с грустью посмотрел на бутылку, содержимое которой не столько было выпито, сколько разлилось по лицу Шкета. Раскрутил ее, как это делали взрослые мужики и одним махом проглотил остатки самогона. Немного поморщился, пожевал хлеба.

— Ну, что, теперь можно и закурить.

Он достал пачку «Прибоя», лихо вышиб из нее папиросу и предложил пацанам.

— Закуривай, гвардейцы! — по-взрослому предложил он.

В отличие от выпивки, многие протянули руки. Курить «по-настоящему» они не умели, но пускать дым любили.

— Как вы дымите? Только курево переводите, — назидательно произнес Сашка. — Как я вас учил? Делаете затяжку и на вдохе говорите «аптека».

— Дай мне, — попросил откашлявшийся и уже захмелевший Шкет.

Сашка достал ему папиросу. Шкет прикурил, набрал в рот дыму сколько мог. «Аптека», — растягивая буквы, произнес он на глубоком вдохе. В один миг в глазах его все перевернулось, в голове закружилось и зазвенело. Папироса упала на землю, а вслед за ней свалился и он сам.

— Чево это с ним? — перепугались ребята. — Шкет, ты чево? Вставай, — начали трясти его ребята.

Сквозь обморок Шкет бормотал что-то невнятное, потом начал как бы икать и вдруг разразился характерным звуком рвоты. Из его рта полилась какая-то мутно-зеленая вода. Спазмы желудка продолжались долго, но кроме этой жидкости ничего на земле не оказалось. Желудок Шкета был пуст, поэтому отравление самогоном было таким быстрым и мучительным. Шкет пришел в себя. Лежа на земле, он поджал к себе ноги, обхватил их руками и заскулил, как маленький щенок.

Шкет относился к числу тех пацанов, отцы которых погибли на войне. Их матери, не видя света белого, вкалывали на фабрике, а потому дети росли «во дворе» без родительского присмотра. В голодные послевоенные годы они перебивались кто как мог. У матери Шкета своего огорода не было, поэтому его порой видели в огородах соседей, за что ему часто доставалось. Мужики тогда были крутые, без жалости — сами хлебнули лиха через край, и если кого заставляли в своем огороде, то били наотмашь, пока их жертве не удавалось вырваться и перемахнуть через забор. Поэтому синяки на физиономиях пацанов были привычным явлением и заступаться за них было некому.

Мать Шкета переживала за сына и, когда была трезвая, жалела его, но ничего не могла поделать. Как

и все в ее возрасте, страдала без мужа. Но где его было взять? Кто из порядочных — те уже были женаты. Вон на фабрике — девок на любой вкус и без детей, а бабам оставались либо калеки, либо прощелыги какие. Так и она погуляла с одним, с другим, старалась, чтобы все было по-хорошему, но они, видя ее коммунальную нищету и пацана в синяках, с оторванным карманом на заднице, в застиранных сатиновых штанах, быстро разворачивались и оказывались в веселых компаниях фабричного общежития.

Чтобы хоть как удержать мужика, она стала гнать самогонку, но это привело к тому, что сама стала прикладываться к стакану чаще положенного, а бабульки на скамейке в кустах сирени стали называть ее «гулящей», говорили со вздохом: «Хорошая была девка, а вон глянь — туда же: по рукам пошла». Жалели ее сына: «Вот она, безотцовщина», — причитали они.

— Да что говорить! Мало ли сейчас таких, кругом безотцовщина, всех не нажалеешься, сердце разрывается на них смотреть.

— И впереди ничего не светит, только тюрьма по ним и плачет.

Сумерки сгущались в темноту ночи. Двор пустел. Поочередно открывались окна в домах и родительские голоса уже в который раз звали запозднившихся детей домой.

— Ну, иду, иду, — отвечали они.

— Давай скорее, а то дверь закрою и больше звать не буду, а там, смотри, выйду за тобой сам...

К подъезду одного из домов приблизилась подвыпившая парочка, шумно обсуждавшая прошедшее воскресенье. Женщина на минуту остановилась и кликнула в глубь двора:

— Леша, Лешенька, ты где? Пора домой.

— Да, ладно тебе! Придет твой Лешенька, а может он уже дома?

Из кустов сирени доносился негромкий и нестройный хор пацанов.

Что творится по тюрьмам советским?
Трудно, граждане, вам передать.
Как приходится нам, малолеткам,
Со слезами свой срок отбывать.
Срок отбудем и выйдем на волю,
Ветер будет лохмотья трепать,
Чтобы быть поприличней одетым,
Мы по новой пойдем воровать.

Лешка после мучительной рвоты затих и не слышал песни своих друзей, не слышал он, как завала его непутевая мать. Он тихо спал, лежа на земле, обхватив колени руками. Что ему снилось, мы не знаем, и снилось ли вообще что?

Э...эх, безотцовщина, она и есть безотцовщина.

Дорога по «столбам»

Дороги по «столбам» не отмечены ни в одной карте даже районного масштаба. Но они существовали, да и сейчас существуют во многих отдаленных местах, покрывая своей сетью большую часть сельской местности. Это не тайные тропы охотников, их знают все местные жители. Как капилляры, пронизывают тело человека, они связывают между собой деревни, а деревни – с городом, или как те малые речушки, которые питают большую реку, дороги «по столбам» жили всегда активной жизнью и редко когда зарастали травой и кустарником. Еще их называют «летниками», потому как пользуются ими люди только до наступления зимы, т.е. до того времени, когда снег, покрывая землю, замечает все местные стежки-дорожки.

Летние дороги – «летники» – протаптывались людьми и накатывались лошадьми с повозками, как правило, вдоль линий электропередач. Отсюда и их название – «по столбам» (столбы линий электропередач). Эти дороги были удобны тем, что при строительстве электролиний прорубались небольшие про-

секи напрямую через лес в деревню, т.е. летники были короче иных дорог в город.

Были и «зимники» - по местным меркам большие дороги, по которым ходили трактора и машины. Поскольку в те годы шоссейных дорог почти не строили, то зимники были грунтовыми насыпями, в лучшем случае присыпанные сверху щебенкой или битым кирпичом, строительным мусором. Под дождем эти дороги разбухали, а трактора раздалбливали их до того, что даже грузовым машинам проехать было невозможно.

Образовавшиеся лужи и впадины пытались засыпать чем могли, однако в отдельных местах (их называли «бучила» или просто ямы) вскоре весь грунт опять проваливался неведь куда. Часто бывало, что осенью, в дожди, деревни оказывались отрезанными от города и сельхозтехника перла на летники, чем, безусловно, их портила и выдалбливала ямы в местах грунтовых бучил.

Зимой дороги замерзали и транспортные связи с деревней восстанавливались. Но зимой сельхозтехника на полях вокруг отдаленных деревень была уже не нужна. Поэтому хозяйственники порой забывали послать трактора на расчистку зимников от снега, которые оказывались занесенными снегопадами и заметенными метелями. Связь с деревнями опять прекращалась. Так и жили.

* * *

Летники рубили напрямую, поэтому проходили они часто по местам удивительным, к тому же богатым грибами и ягодами. Поскольку ходили по ним только свои, то и грибов-ягод хватало всем, да столько, что зиму зимовать можно было на одних грибах, картошке и соленьях.

Просека делала как бы срез леса: то повозка катит вдоль смешанного леса, из которого слышна птичья разноголосица, дополняемая ритмичным стуком

дятла, а если едешь после дождя, то вдоль дорожки видишь красноголовые ряды подосиновых грибов.

Вот чего нет в наших местах, так это дубрав. Однако в смешанном лесу можно заметить отдельные дубы с изрытой вокруг них кабанами землей, подчищавшими богатые осыпи желудей. Такие места у нас называют «дубки» – вкрапления дубов в смешанный лес.

Смешанный лес часто сменялся прозрачными и солнечными березовыми рощами. Здесь только смотри, как бы не задавить белые грибы, часто высыпавшие кучками чуть не под колеса телеги. Что до ягод, то на протяжении всей дороги ягодники уютно краснели на солнечных припеках красными покрывалами. Неожиданно все это многоцветье прерывалось строгим полумраком соснового или елового бора, вглядевшись внутрь которого становилось страшновато. Так того и жди, что вот-вот выйдет из бора сказочное диво.

Люди бывалые знали, что если нужны маслята или лисички, то это то самое место, где они растут в немереном количестве вдоль посадочных рядов елей или сосен. Часто приходилось видеть: они, еще не появившись на свет, но уже, как кроты, делают свои бугорки, так и они своими шляпками приподнимают плотный и игольчатый наст. Еще немного и слизистые коричневые у маслят и желтые, резные у лисичек шляпки пробьются через этот наст и безудержно поманят вас за собой вглубь бора в предвкушении душистого ужина жареных грибов с луком и молодой картошкой, посыпанной укропом, непревзойденно пожаренных в русской печке.

Ельник заканчивается так же резко, как и начинался, без перехода, что еще раз указывает на то, что это рукотворная посадка, а не дар природы. Встречаются на лесных полянах и небольшие прудики, поросшие осокой и могучими ветлами по краям. У таких прудиков часто можно встретить белых цапель с черным крылом, прячущихся в осоке и взлетающих

ввысь при приближении к ним людей так же величаво, как воздушные лайнеры; или семью лосей – местных красавцев с раскидистыми рогами. Заслышав нашу повозку, они лениво отрываются от водопоя, гордо смотрят на нас безразличным взглядом и вновь продолжают пить воду, убедившись, что ничего опасного и интересного мы для них не представляем. Край поляны скашивается к овражку, и дорога устремляется вместе с ней вниз, откуда тянет прохладой и прелостью, обещающей в зарослях кустов орешника на мшистом буреломе бесчисленные колонии опят. На дне оврага посередине дороги – неизменная лужа, не просыхающая даже в жаркий период лета. Лошадь останавливается и тянется к воде, отец бросает вожжи, чтобы не мешать ей, и как в первый раз повторяет:

– Надо же, какая красота!

– А воздух какой! И тишина! - восхищается мама. – Не то что у нас на комбинате.

Вскоре летник выходит на поле, через которое столбы указывают направление к деревне, где и заканчивается наше путешествие.

* * *

Летняя идиллия приокского леса порой нарушалась «мародерством» волков. Во время войны они огромными стаями бежали от взрывов снарядов и лесных боев. Когда фронт остановился, они осели в безопасных и богатых живностью лесах дальнего Подмосковья. В глухих деревнях в то время хватало и овец, и коров, и всякой домашней птицы. Волки безнаказанно налетали на стада домашних животных, а зимой с голоду не боялись залезать в овчарни и коровники. Беда от них была значительной, т.к. волк не сразу уносил в лес свою жертву, а, почуяв первую кровь, рвал других овец налево и направо, и, только насытившись этой кровавой бойней, взваливал себе на спину овцу полегче и спешно уходил в лес.

* * *

У городских принято после сбора грибов подсчитывать, сколько набралось «белых». Наши считали иначе: корзинами да ведрами. Говорили: «Я еле припер бельевую корзину», «А я сегодня не успел сходить вовремя, пошел к вечеру и набрал только ведро».

Глубоко в лес от летника ходить не надо было, местные знали, что лучшие грибы растут вдоль просеки. При этом каждый имел свое любимое место. Он знал, что на «колах» растут белые грибы, и других он там не искал, а рядом с «колами» в «хахалевском овраге» - подосиновые; за опятами шли на вырубку, где проходила высоковольтная линия, а за свинушками и чернушками вообще никуда не ходили. Их собирали за огородом или картофельным полем на краю леса по бугоркам, низко покрытым липами.

Когда шла заготовка «черных» грибов, – грибов на соленье, в лес ходили по два-три раза в день, сколько сил хватало, и сыпали их корзинками в омута отмачиваться.

Омута – это остатки от речки, когда-то протекавшей вдоль деревни. Речка пересохла, но почти у каждого дома оставалась яма – лужа в диаметре метров пять-семь. В некоторых омутах били ключи. В них можно было купаться, т.к. вода была проточная: омута связывались между собой ручейком.

Грибов насыпали столько, что все зеркало омута оказывалось закрытым ими. Солили их в бочках. Приготовление бочек к солениям было серьезным и ответственным делом. Их подкатывали к омутам, здесь же жгли костер и кипятили на нем в ведрах воду. Кипятком бочки тщательно промывались, потом просушивались (прожаривались) на солнце. Поправлялись обручи, чтобы бочки не текли. Затем в них закладывались камни и кирпичи, раскаленные на костре, кидались туда пучки рябинника (травы, обладающей сильным антисептическим свойством) и за-

ливался кипяток. Сверху бочка накрывалась тряпками. Стояла, напаривалась. Бочки становились абсолютно чистыми, стерильными и готовыми к использованию.

Чернушки и свинушки солились целиком и плотно трамбовались, поэтому на стол зимой подавались в здоровой чашке спрессованными, вся эта масса резалась на куски, а уже потом разбиралась по тарелкам, где заправлялась луком и постным маслом, по праздникам – сметаной. С белыми и подосиновыми по-другому.

Засолка «хороших» грибов – белых и подосиновых – осуществлялась иначе. Здесь грибы валили в засолочные емкости не без разбора, как «черные». Отбирались только некрупные и крепкие, остальные шли в сушку. Когда их сушили в русской печке, то не только изба, но и сени заполнялись сильным и нестерпимо вкусным грибным запахом, который через окна устремлялся на улицу и чувствовался даже у омота.

Зимой была игра «поймать грибок». Поскольку от «хороших» грибов солили главным образом шляпки и на тарелке их сразу вилкой было трудно подхватить. Вот и придумали игру. В центре стола ставили тарелку, плескали туда чуть-чуть масла («для смазки»), клали «шляпку» и все стремились быстрее своей вилкой наколоть эту шляпку. Играли и дети, и взрослые. Тем и другим не сразу удавалось поймать скользящую под вилкой шляпку, зато кому это наконец удавалось, на зависть другим игрокам, вкусно похрустывая грибочком, приговаривал: «Хорош грибок, чувствую и второй будет мой».

* * *

Деревенский стол всегда был предметом экзотических мечтаний горожан, особенно в крупных городах, а для многих – ностальгических воспоминаний. Модные посиделки московской интеллигенции «на кухне» в первой половине 60-х годов, теперь уже

прошлого века, редко обходились без таких разговоров. Собиравшиеся были, как правило, люди нестарые и не состоятельные. Закусывали картошкой с огурцами, да селедочкой с луком, заправленным постным растительным маслом, любительской колбаской и шпротами. Потом в продаже появились и пришлось по вкусу многим венгерские маринованные овощи. Заедая маринованным огурчиком, иной инженер не мог удержаться от воспоминаний деревенского детства.

— Разве это огурцы? — начинал он. — Один укус. Вот, помню, мать достанет из погреба бочковые огурцы да миску соленых помидоров, не хочешь — а будешь есть и еще просить. Только хруст стоит по избе, аж за ушами слышно.

— Да еще картошечку из русской печки с пылу с жару, рассыпчатую, — добавляла учительница русского языка.

— Вспомнили, — весело вступал в разговор третий, — скажите еще, что все это под лафитник самогоночки, настоящей на зверобое или смородиновых почках. А еще мне нравились щи из квашеной капусты, напаренные в русской печке.

— То-то в деревенских домах постоянно кислой капустой воняет, — перебил его горожанин, не живший в деревне.

— Это у тебя на кухне ей воняет, а в деревне от щей или солянки со свиной из русской печки благородный дух идет.

Действительно. Из русской печки даже сапог можно было съесть. Те же «пустые» макароны или простая гречневая каша так напаривались, что у нас чуть ли не ведерный чугунок сметали в один момент. А что свинью заколют или овцу зарежут, то пир стоит горой, но такое бывало редко.

Помню звали мужиков-соседей помогать колоть свинью. Вот они ее заколют, да так мастерски, что она лишний раз и взвизгнуть не успевала; опалят, разделают, а пока они заняты, бабушка уже в печку

ставит огромную жаровню с печенью и бутором (внутренности скотины). Было принято угощать мясников печенью и бутором, а мясо шло на семью.

Они первыми садились за стол. Бабушка вытаскивала из печки жаровню и ставила на стол. В натопленном сале плавали куски печенки, легкого, сердца и прочее, и все это шкварчало и шипело нестерпимо вкусно. А бабушка уже несла чугуны разваристой картошки, из которого пар валил до потолка. Дед тащил из сеней четверть самогона. На столе обязательно стояла солонка и лежал крупно нарезанный лук. Мясники хрустко закусывали обмакнутым в соль луком, прямо в жаровню макали хлеб или картошку и непременно обсуждали достоинства заколотой скотины.

— Ну, началось, вспомнили времена доисторического материализма, — шутливо замечал четвертый, разливая по рюмкам «Столичную», — тогда уж подавай и квашеную капусту, лучше велковую с мочеными яблоками, или грибочки со сметаной.

— Вы как голодное племя, — критически отзывался инженер-горожанин, который, по общему мнению, ни капельки не смыслил в прелестях деревенской жизни.

— А я хотел бы вернуться в деревню. Думаю, даже дом купить где-нибудь в захолустье. Их там сейчас пустует — выбирай, не хочу, и стоят копейки, — мечтательно заявлял кто-либо из присутствовавших. Народ из деревни разбежался в города, а дома побросали. Представляете, утром тишина, только птички поют, воздух чистый, рыбалка, опять же молоко парное, сметана, творог. И все свое — деревенское. Поспать в стогу на солнышке, возвращаясь после грибов... Э..эх, а здесь целыми днями стоишь за кульманом, как дурак, не успеваешь карандаши затачивать, и все это за 120 рэ. В курилке не продохнешь, в буфете котлеты, которые один раз уже съели. Да чего уж там говорить?.

– Как 120? Нам уже полгода как по десятке прибавили.

– По десятке? Что сейчас на десятку купишь? Один раз сходить в магазин.

– А мне нравится в деревне, - оживилась учительница, – на праздник, после застолья все высыпает на улицу и такое начинается веселье: все поют песни под гармошку, частушки, пляшут в кругу. Я даже некоторые частушки записала.

– Чего уж ты там записала? Сплошной мат-перемат и пошлятина, – не унимался «горожанин». - Этому ты своих детей в школе учишь? Самогона обопьются, попляшут и начинают морды друг другу колотить. А частушки твои – пример абсолютного бескультурья. Недавно услышал: «Помидоры, помидоры, помидоры – овощи. Ты поедешь на победе, я – на скорой помощи. Иными словами: «В огороде бузина, в Киеве дядька».

В общем-то, все эти разговоры во многом правильные, и люди они были хорошие. Помнили дом родной, по-своему скучали о нем. Но вот беда, они путали деревенскую жизнь с дачной. Все эти огурчики-помидорчики с рассыпчатой картошечкой для деревенского жителя, особенно того первого десятилетия после войны, не экзотика, а добытое тяжелым трудом пропитание, чаще всего единственное доступное. От колбаски, шпротиков, другой какой «городской» еды и они бы не отказались, да где на это деньги взять? Свиней и овец резали не каждый день, а в строго установленное время и ели мясо не здоровыми кусками, как в первый день, а растягивали на как можно дольше.

Не сделай запасов на зиму – семья будет голодной сидеть. Вкалывать приходилось и в дождь, и в холод. Целый день в колхозе, а вечером в собственном хозяйстве. Прежде чем попить вдоволь молочка парного и поесть творожка деревенского, поди-ка травы накоси стога два сена. А где его накосишь столько? Значит, иди да выпроси у управляющего

поляночку в лесу километра за два от дома, потом вывези оттуда сено. Значит, опять иди проси лошадь. А ну как управляющий не даст ни полянки, ни лошади? В колхозе своих коров кормить надо. Не покормишь – будут реветь дурниной всю зиму и к весне придется их, сердешных, подвязывать в «люльках» через пузо к потолку и кормить ветками. Так часто и было.

Многие проклинали эту деревенскую «экзотику». Да что делать, куда деваться? Ведь наш крестьянин даже не мог свободно бросить все и уехать в город. Вспомнить, так не поверишь, он даже паспорта не имел. Специально, чтобы не сбежал, а кто сбежал, так тех, как при феодализме, отлавливали и возвращали. Давали лопату в руки и говорили: «Иди работай, городская воля не для тебя, ты для того здесь и приставлен, чтобы люди в городе с голоду не подохли».

– А вы самогоночку вспомнили на почках, да в кино вам захотелось на «Кубанских казаков». Самогоночку там пили не рюмочками, как вы «Столичную». Ее там «жрали» стаканами, да не настаивая на всяких почках. Пили столько, что вчерашняя дурь не успевала выходить из головы, а похмельный стакан уже расплескивался в дрожащей руке. За стакан местные алкаши готовы были отдать все, даже из собственного дома тащили, что могли ... Пили на голодный желудок, часто без «закуси», потом замерзали в сугробе или убивали друг друга лопатой или топором в пьяном угаре. Один мужик зарубил собственную жену за то, что она, когда тот отвернулся да замешкал, отхлебнула у него полстакана. Вы говорите, «настоячка». Так и хочется воскликнуть:

Деревня моя,
Люблю тебя
И ненавижу.
Смеюсь и плачу.

Некоторым, кто не спился и стремился выжить, все же удавалось вырваться из этого кошмара. Раз-

ными путями выправляли себе в Правлении справки, кто-то уезжал учиться, кто-то не возвращался из армии, в общем, бежали и летниками и зимниками, не оглядываясь и не обращая внимания на красоту леса, даль полей, тенистые поляны и смирно журчащие ручейки. То-то дома и пустовали, как вымершие гнезда, чернели по кривым улицам да проулкам деревни.

Кто-то из бежавших оставался в городе на фабрике или на стройках, кто-то поступал в техникум или институт, а кто-то гнал за «длинным рублем» на север. Таких осуждали, как слабаков, бросивших свой «фронт работ». Их семьи, в ожидании призрачных денег, страдали еще больше. Как же, главный работник покинул их, а денег не видно. Жизнь обходилась с такими не просто. Сбежав из деревни и хлебнув лиха «шабашки» или городской жизни, бессонными ночами они скучали по родному дому и все реже вспоминали «маразмы» колхозной жизни. Но новая жизнь уже затягивала их, и мало кто возвращался назад.

Наши летники помнят многое, да молчат. Благо, они еще сохранились и по ним есть куда вернуться. Как ни громили деревню, она, хотя и стала «инвалидом», жива, а значит там, в глубинке, жизнь еще теплится и те, кому стала невольготу городская воля и кто не обрел умиротворения, могут хоть на какое-то время вернуться туда в приливе ностальгических чувств, перевести дыхание, а потом снова бежать в поисках призрачного счастья и безмятежной жизни.

«Вернулся я на Родину...»

Двое крепких, красивых молодых мужчин, вцепившись в попавшийся на берегу Оки сук дерева, мерились силой, стремясь перетянуть его каждый к себе. Вокруг них развлекалась компания их друзей и жен с детьми, подбадривая состязавшихся и весело шутя.

Собравшиеся были друзьями детства. Росли на одной улице, вместе ушли на фронт, только воевали в разных местах. К концу войны опять собрались на своей улице. Все живы, но имели ранения, хотя в целом были здоровы. Повезло. Кто «старлей», кто капитан. Можно сказать, на войне началась их карьера. Были они грамотные, все закончили десять классов, а после войны пошли учиться, кто – в «сельхоз», кто – в пединститут. В городе их знали и уважали. В середине 50-х годов все «выбились в люди», да еще как: Иван – Иван Иванович – был избран заместителем председателя Исполкома, Николай Петрович заведовал отделом пропаганды и агитации в райкоме, Александр Васильевич – директор школы (лучшей в районе), Анатолий Анатольевич после «сельхоза» был направлен в деревню и вот уже много лет председательствовал в колхозе. Однако все они оставались людьми простыми и планов на «большую карьеру» не строили. Любили свою работу, умели хорошо отдохнуть, хотя весь отдых – летом на Оке под ветлой, осенью за грибами, зимой на лыжах с семьей в ближайший перелесок по выходным дням, как и все, ходили в кино во Дворец культуры (телевизоры в то время были еще большой редкостью), да еще праздничные застолья. В Москву выезжали редко, а если и выезжали по делам, то старались брать с собой жен и детей – «показать Столицу».

* * *

Много времени отнимало домашнее хозяйство. В те времена «большое начальство» отличалось от «руководителей» более поздних времен. Тогда «халява» еще считалась дурным тоном, если не сказать большего. И «начальники», как простые рабочие, пилили и рубили дрова себе на зиму, копали сами свои огороды, заготавливали на зиму картошку, капусту и другие соленья.

Самым замечательным делом была заготовка капусты. Солили ее бочками по сто – сто пятьдесят

литров. Поэтому закупали капусты столько, что привозили ее домой на лошади. Во дворе собиралась вся семья, верховодила бабушка, все остальные знали свое место: кто мыл капусту, кто обрезал верхние листья, кто чистил и резал морковь.

На скамейку у дома ставили деревянное корыто размером с обычное банное. Отец вырезал из капусты кочерыжки и раздавал их всем по очереди. Вначале все с радостью принимались их грызть, но вскоре они надоедали и летели в мусорное ведро.

Капуста без кочерыжек шла в корыто. И здесь происходило самое главное. Все дружно начинали сечь ее специальными лопатками на длинных ручках – сечками. Удовольствие от этого занятия получали все, поэтому под мерный стук сечек двор наполнялся всеобщей радостью, которая передавалась и соседям. Головы соседских ребятишек попеременно появлялись над забором.

– Баб Маш, дай кочерыжечку, - просили они.

Бабушка набирала в подол фартука кочерыжки и несла к забору. Вдруг над забором вырастала голова в старом картузе с морщинистым небритым лицом и шикарными рыжими с сединой усами.

– Тыфу ты, черт, напугал, - крестилась бабушка.
– Серафимыч, ты бы предупреждал, когда и где появишься.

Афанасий Серафимович, соседский дед, в молодости был конюхом у самого барина. Говорят, Серафимыч хорош был собой мужик и охоч до девок. Высокий, здоровый, рыжий, а главное – усы. Вот они-то и не давали покоя дворовым девкам, влюбленным в него поголовно.

– Иван Иванович, мое почтение.

– Серафимыч, тебе что тоже кочерыжку? – шутил отец.

– Благодарствуйте, обхожусь, – расплылся в улыбке Афанасий Серафимович.

– Петровна, - обращался он к бабушке, - когда рубить закончишь, корыто не отдавай, я на очереди.

— Да куда же я его отдам? Мы же с тобой уже договорились.

К бочке капусты добавлялись бочка огурцов да помидоров, а к ним бочонок поменьше — грибов. На том и зимовали. Правда, помогал Анатолий Анатольевич. У него по дешевке можно было покупать мясо, а с мясом, как известно, любую зиму перезимуешь.

В те годы получила распространение система «пайков» в среде партхозактива — прообраз «заказов» хрущевско-брежневских времен. Хотя разница между ними была значительная. Во времена «развитого социализма» заказы формировались из отборных продуктов, вкус которых простой народ и не помнил. Послевоенные пайки — это мука, макароны да сахар. Иногда добавлялись консервы, или кусок колбасы, или что-то в этом роде, т.е. принципиальная разница была в том, что пайки выдавались, чтобы подкормить, а заказы — угостить. Хотя и то и другое, в сущности, плохо, когда тебя подкармливают или угощают, а все остальные ходят голодные. Но, что было, то было...

Основные продукты в магазинах были, и очереди за ними стояли, но денег у покупателей было в обрез: брали мясо на первое и треску или сардельки на второе. Колбаса была разная, но покупали, как правило, что подешевле — не «любительскую» или «отдельную», а «казанскую» (конскую). Витрины украшали всякие сладости: коробки шоколадных конфет и разноцветные плитки отборного шоколада. Покупали дешевые карамельки и конфеты «подушечки». В витринах стояли открытыми большие банки черной и красной икры, но ее не брали, а зачем? Ведь есть селедка малосолёная, а какая жирная! Чего еще надо? Пирамиды банок с крабами и печенью трески пылились годами. Народ понятия не имел, зачем на это тратить деньги. Другое дело настоящие рыбные консервы. Или тушенка.

* * *

— Иван! Ну, давай, давай! Ты что, совсем ослаб?
— азартно подбадривала мужа женщина в модном в то лето пестром закрытом купальнике.

— Куда ему! — сквозь силу, еле произнося слова,отреагировал на ее слова соперник Ивана. — Ему сейчас не до этого, пора трусы поддерживать одной рукой, а то вон, смотрите, того и гляди резинка лопнет.

Компания дружно захохотала и продолжала подбадривать, каждый «своего».

— Толя, а ты не шути, - заволновалась другая красавица в не менее пестром купальнике, - знаем мы его, он хитрый, это у него тактика такая — выматывать силы. Толя, - в веселом отчаянии верещала она, — ну ты упрись, упрись в песок-то, да спину держи прямой.

«Упираться» было уже некуда. Соревнующиеся изрыли вокруг себя песок так, что оказались в яме-воронке. Перетягивание затянулось, силы фактически оказались равными, и оба одинаково устали, но уступать никто не хотел.

А рядом с ними, под ветлой, в тени, были разостланы скатерти с закуской и вином. Кто-то крикнул:

— Мужики, ну хватит вам, водка нагрелась и студень того гляди поплывет. Или вы что, в «завязке»?

— Того гляди! Скорее Ока пересохнет, чем они «завяжут», — с хохотом парировал Николай, удобно устраиваясь на мягкой траве, — это они аппетит нагуливают. Да ну их, Саш, наливай. Дамы, просим к столу.

— Ну, ладно, Толь, все, все: ничья, - примириительно сказал Иван. — Пошли, а то неудобно, все ждут.

— Как всегда ничья, — весело опуская сук, засмеялся Толя, — а я только собрался перейти в контрнаступление.

— Иди сюда, — крикнул Николай, — здесь и будешь наступать.

Все расселись вокруг «стола», Саша разливал водку, остальные запасались закуской.

— А где студень? — встрепенулся Толя. — Маша с ним всю ночь возилась. Еле довели. Маш, ну-ка раздавай всем быстрее, а то по тарелкам не соберешь — расползется, где-то банка горчицы? Это уже я сам наводил, злая, аж жуть!

Наконец-то, все приготовились, был произнесен хороший тост, выпили по рюмке и на какое-то время воцарилась тишина, только был слышен хруст огурцов.

— А где дети-то? — нарушила молчание одна из женщин.

— У реки, не переживай, Лид, я их покормила и дала по конфетке. Пускай купаются, денек-то сегодня как раз для купания.

— Как бы далеко не заплыли, а то унесет течением, тогда греха не оберешься.

— Да ладно тебе, «унесет»! Здесь до середины реки иди, вода до пупа не достанет.

— Ну, тогда, Саш, наливай по второй, а то я как наемся, охота выпить пропадает.

— А у нас на этот случай сладенькая припасена. «Улыбка» называется.

Пока родители занимались своим делом, дети резвились у реки: купались, строили из мокрого песка замки и рыли в нем каналы.

* * *

Стоял жаркий июльский полдень. По всему приокскому лугу растекалось марево миражом, и казалось, что трава и кусты потонули в нем, а видневшийся вдалеке город покачивался в его волнах, как призрак. Все застыло зачарованное, и в глубокой тишине отчетливо была слышна одинокая трель жаворонка, зависшего над лугом.

Ока продолжала свое степенное течение, будто бы прислушиваясь к тишине, проверяя, все ли в порядке в окружающих ее полях, лесах и селениях. Ока

была хозяйкой в этих местах, и она определяла – ярко светить солнцу или затуманить его облачком, быть дождю или погодить, пока земля еще держит прошлую влагу, поддержать дождевые тучки над лугом или пустить их на город.

Это только невежды считают, что они – «венцы» природы. Шалишь! Ока-матушка с такими обходилась круто. Иного гордеца, которому все нипочем, решившего в непогоду при волне похвастать перед друзьями и переплыть ее, прикроет волной, да так плотно, что жди потом, где он всплывет, бедолага.

А то на излучине или над глубинными ямами-омутами закрутит такую воронку – не только что человек, иная лодчонка не сразу выберется из нее.

Бывали годы – разлив Оки доставал до города и затапливал окраинные дома. Вот тебе и «венец природы», поплавай-ка на лодке вокруг своего дома, осенью собери-ка отмокшие и загнившие еще с весны озимые, тогда и посмотрим кто кого. Правда, в такие годы, как бы в порядке примирения и компенсации, Ока, уходя в свои берега, оставляла на лугу в низинках-лужах уйму рыбы. Весь город съезжался ловить ее руками, и всем хватало. Кто мешки, кто бельевые корзины набивал отборной щукой, голавлями, лещом, а то и стерлядкой. Мелочь не брали. Те, что позаботливее собирал ее в корзины и выпускал в ближайшее озеро, из которого опять же осенью в избытке ловили выросших и уже нагулявших бока бывших мальков, всем своим видом радовавших окружавших озеро рыбаков.

В общем, Ока была как мать: она накажет, она и пожалует. Напоит поля, накормит рыбой, даст отдохнуть на своих пляжах с золотистым песком, а в летний зной укроет прибрежными ветлами, как древние витязи, стоявшими вдоль ее берегов и присматривавшими за порядком.

Ока жила не обособленной от окружающего мира жизнью, а как большая магистраль дает пристанище средним и малым дорогам и дорожкам, так и она

принимала в себя малые речушки и ручейки. Растворяясь в ней, они выполняли свое предназначение — своей малой незаметной жизнью питали жизнь большую, своим существованием доказывая, что большая жизнь складывается не сама по себе, а из малых событий и явлений. Такова их взаимосвязь и суть круговорота, поддерживающего природу.

* * *

С берега кампания почти не была видна, она тонула в высоком разноцветье трав. Только по раздававшимся оттуда голосам можно было судить, что пиршество в разгаре, и день удался на славу. Николай, как он любил это делать, рассказывал «в лицах» одну из историй своих поездок по району.

— ...Так, вот один из ихних «активистов» толкает меня в бок, мол, Николай Петрович, не пей, их самогон вонючий и градус слабый. У меня в Правлении припасена «запечатанная», да и колбаска есть закусить. А мне как не выпить с народом? Они говорят: «Давно Вас ждали, вот вы приехали и растолковали нам, наконец, как же понимать правильно нынешнюю линию партии, а то городят здесь кто, что попало. Ну и уважьте уж, чем богаты, не побрезгуйте перекусить, как говорят, чем Бог послал». Как же можно отказывать после таких слов? Самогон-то, конечно, был вонючий, да и щи пустые. Но сами понимаете: свежий воздух, полевой стан, там все ходом идет, да и откуда у них «запечатанная-то»? — Николай остановил рассказ, прикурил.

— Ну, а что «активист-то» твой угостил тебя колбаской?

— Какая там колбаса? Первый и набрался. Ребята оттащили в стог отсыпаться. Я смотрю, народ захмелел уже, да и стал собираться. Бригадир отрядил мне лошадь с телегой, кинул мешок картошки, — Николай хохотнул, — а под тряпки сунул аж четверть самогона, я отказывался, а он ни в какую: «Возьми, а то обижусь».

Будить «активиста» я не стал, да и в сельсовет не поехал, вечерело, а прямиком со стана «по столбам» погнали с провожатым в город. Еще засветло успели.

— Значит, без колбасы ты остался? — захохотала компания.

— Да, что политработникам колбаса, он ее что дома не видел? — добавил Саша. - Главное, самогону хватило и домой привез. Нин, привез Николай тогда самогонку-то домой или по дороге выпил?

Компанию потряс новый взрыв хохота.

— Александр Васильевич, — переходя на Вы, обиделся Николай, — вот вы всегда с глупыми намеками да грубыми шуточками. Небось у себя в школе с завхозом на складе тоже самогонкой не брезгуете, да с опытных ученических грядок огурцы на закуску таскаете.

Наступила очередь краснеть Александру Васильевичу, а окружающие еле животы сдерживали от наступившего веселья.

— Ладно вам, разошлись, - серьезно сказал Иван, - что-то вы о самогонке много лишнего болтаете. Не забывайте. Еще ляпнете, где непопада.

— Ты что, Иван, все же свои.

— Свои-то свои, но и забываться не следует. А то как тот подвыпивший ветеран, который на партсобрании забылся и задремал, да сквозь сон как запоем: «Бежал бродяга из Сибири». Помните анекдот, что с ним потом было?

Все опять неистово захохотали.

— Однако, пора - темп, товарищи, теряем, а мухи селедочку могут украсть.

— Лид, как там дети? Уж, наверное, посинели от холода, из воды не вылезают. Посмотреть бы.

— Да вон они, нашли ветку и как вы перетягивают.

— Пошли, Маш, прогуляемся, не знаю, кто из них перетянет, а что сейчас подерутся, это точно. Да и искупаемся, а то жарко, совсем неумоготу, - и отой-

дя от ветлы, - пусть мужики одни поговорят, им выговориться тоже надо.

— Полотенца захватили?

— Захватили.

Женщины направились к реке.

— Тань, помнишь? — кивнула Лида в поле в сторону дороги, где еще сохранились остатки противотанковых рвов.

— Еще бы не помнить. Такое всю жизнь не забудешь. Не каждый день тебе самолеты на голову падают. Но это было не здесь, вон туда, левее, ближе к ручью.

— А я как вспомню эту «белокурую», так не по себе становится, как женщина может заниматься таким делом?

— Ладно, ну ее войну эту проклятую, лучше не вспоминать.

Мужчины остались одни.

— Что, мужики, пока наши гуляют, давай еще по одной. Что-то никак твоя самогонка, Толя, не берет. Может, водку откроем, а то что же назад домой ее везти?

* * *

Мужчины выпили по рюмке, закусывать уже не хотелось, поэтому занюхали корочкой хлеба и все дружно закурили.

— Толь, чего там твой сосед опять чудить-то вздумал? — спросил Иван.

— Михаил Михайлович?

— Он самый.

— Да, говорят, он твоего инспектора послал.

— Ну, ты полегче. Это не мой инспектор, а работник Исполкома, — ответственное лицо.

— Извини, но что же тогда это «ответственное лицо» не отличает ржи от пшеницы? А безответственно советует и даже приказывает, когда надо начинать уборочную?

— Что делать, вот с такими приходится работать. Обком прислал на «укрепление». Кончил лесотехнический, специалист по лесу, а мне его всучили на вакансию в сельхозотдел. «Инициативный», говорят. Ну, да ладно о нем. Скажи, пожалуйста, как там Михаил Михайлович поживает? Давно его не видел.

Анатолий Анатольевич сразу понял, о чем предстоит разговор. Но вида не подал и ответил просто:

— Так что ему будет, руководит. Как у нас говорят: «от посевной до уборочной», а зимой концы с концами сводит. Мужик в возрасте, но бодрый. Как встретимся, все мне оглоблю предлагает перетягивать. Вот беда, только хмелеть стал. Раньше, бывало, ведро выпьет и хоть бы хрен, а сейчас пьянеть стал.

— Знаю, слышал. Только не пьянеть стал, а пьет не просыхая. Ты уж дружка не прикрывай, думаешь, мы здесь ничего не знаем?

— А кто сейчас не пьет? Кто не хотел и тот запил!

Иван ничего не ответил, откинулся назад на растопыренные руки, долго и пристально посмотрел в небо.

— Ты оглянись, что делается, - продолжал Анатолий, - думали ярмо спадет, развернемся по-новому. Развернулись. Семенного фонда как не хватало, так и не хватает, а полевые площади расширяй. Фуража как не хватало, так и не хватает, а надои, мясозаготовки не снижай. Комбикормов, считай, нет.

— Ну, ты даешь. А кто же виноват, если не ты сам, что у тебя ничего этого не хватает?

— Да, ладно, как будто ты не понимаешь, о чем я говорю. Планы заготовок душат, закупочные цены низкие. Выгребаем все в «закрома Родины», а сами скотину зимой кормили ветками. Коровам к весне не то что молоко давать, они на ногах-то еле держаться. Иных в «люльках» за крючки подвешиваем. Нет сил самим стоять. Ты же знаешь.

Пока Анатолий горячился, исповедуя жизнь крестьянскую, Иван молча налил ему и себе. Их друзья

дремали в тенечке, разморенные солнцем и умиротворенные угощением. Так же молча чокнулись и выпили.

— Ты потише, не шуми, - сказал Иван, оглядываясь.

— Я и говорю, - понизил голос Анатолий. - План заготовок сдашь, на посев отложишь, остаточек на трудовни поделишь, аж жуть берет, на люди страшно выходить, так и думаешь, они тебя поколотят, только не палочками-трудоднями, а кольями от забора. Орут: «За что год горбатились? — оглянулся. — Куда, — орут, — партия смотрит?» А откуда я знаю, — сказал он почти шепотом, — куда она смотрит. Иван, ты там близок к верхам, объясни мне по-дружески, долго это безобразие будет продолжаться? После войны я понимаю — разруха. Никто и не выступал. Ты вот говоришь: «Михалыч пьет», а как ему не пить, на старости лет видя такое. Он в войну безногий а бегал по полям с костылем, как молодой, баб гонял за плугом, как они его там только живьем не зарыли, а план давал. Война так война, здесь ответ утвердительный. После войны голод, но все молчали, потому что понимали — надо выстоять. А что же сейчас? Как в те годы не давали ни копейки в поддержку, так и сейчас. Разве это хозяева, это же рабовладельцы какие-то.

— Ну, ну, опять ты за свое? Полегче! Ты меня еще рабовладельцем назови.

— Причем здесь ты? Я о них, - Анатолий поднял палец вверх, - а тебя я знаю. Ты честный человек. Вот беда в том, что они собрали таких честных людей и сказали, что надо порадеть за Партию, за Родину. Такие как вы, да как мы с Михалычем, и радеем, а народ нам верит. А они там сидят и радуются: вот и ладненько, все-то складненько. До чего дело дошло: имеешь корову, плати налог, куры яйца несут — плати, яблоню посадил — плати. Если так дальше дело пойдет, то скоро и за землю на кладбище будем платить налог. Ты смотри, что с техникой делается. Раньше ведь как считалось: МТС — прогрессивное

объединение технического парка. А где он, этот парк-то? Да его попросту нет, одна МТС на весь район. Я заказал трактор, обещали, как договорились, жду его с утра. Не приехал. Звоню в район. Мне говорят, уехал к вам. Днем жду, опять нет. Еду к нему на встречу. Смотрю на Клишенской горе стоит по гусеницы в грязи, тракторист в кустах спит пьяный. Бужу. «Что ж ты, сукин сын, делаешь?». А он мне: «Дядь Толь, - знакомый пацан оказался, - у меня привод полетел». Ну, о чем с ним говорить? Я его в телегу и в МТС. Приезжаем, на складе приводов нет. Начальник, кстати, хороший мужик, давно его знаю: «Иди, Толич, снимай привод с любого трактора». Бегу во двор, ахнул, как на войне под Прохоровкой. Только там скопление битых танков, а здесь тракторов. Стоят наполовину разобранные. Я чуть не в слезы. Начальник мне: «А остальные тоже калеки, один у тебя застрял и еще несколько штук по району мотаются. И еще не знаю дошли до места или нет и вернутся ли назад? А в газетах-то все пишут: «Резко увеличился парк техники районных МТС». Может, их, эти МТС, прячут от нас и показывают только в кино? Чего молчишь? Хоть намекни, к чему дело-то идет? Ты меня знаешь, я же грамотный, пойму и болтать не буду. Мы с тобой какой год вместе грязь топчем, ты хоть и зампред Исполкома, тоже нашу жизнь понимаешь, да и сам от нее не далеко ушел.

— Сказать-то легко, высказать трудно, - опечаленно ответил Иван Иванович, - за все, о чем ты здесь радел и у меня душа болит. Я тебе могу вопросов задать больше, чем дать ответов на твои вопросы. Было бы легче, если не иметь их, тогда бы и ответы не потребовались. Лучше бы всего этого вообще не знать. Ты думаешь, другие это не видят и не понимают? Да все всё понимают, только молчат. Вот это-то и плохо. Но и на рожон лезть - тоже пустое. Одно скажу, как бы не было, а план мы с тобой давать должны. На дураков, типа моего инспектора, поменьше обращать надо внимания. Не он, а Партия с нас план требует.

Не дашь план – в области шкуру спустят, пойдет в счет заготовок, дашь – медаль на грудь. Вот и вся философия. Не ты, так другой. А вот без веры в Партию нельзя, тогда вообще конец. Ты говоришь, о чем они там думают? Думают, да еще как. Партия – это тебе не толпа дураков, это монолит, коллективный разум. Посмотри, умер товарищ И.В.Сталин, все думали – мир рухнет. Плакали, как жить будем дальше? Некоторые, особенно фронтовики, чуть руки на себя не наложили. Но ты посмотри, выжили, и небо не рухнуло, и заводы работают, и мы землю пашем, и акулы империализма только что и грозят войной, а сунуться бояться. Ошибиться может один человек, дурак – наделать глупостей. Партия никогда, потому что она опирается на народ, его лучшую часть, в том числе на тебя, меня, вот на них, - Иван показал на спящих. – Дураков и предателей она отвергает. Ты вдумайся! - Иван перешел на шепот. - Даже Л.П.Берия не пощадила, когда вскрылись его делишки. А сейчас к руководству привлекаются новые силы. Вот и посмотри, объединятся опыт и мудрость старших руководителей, сила и энергия молодых, монолит нашей Партии окрепнет еще больше. Что касается нововведений. Я слышал, только ты смотри, не трепани, где не надо, запечатай внутри себя и молчи, скоро планируют поднять закупочные цены, а планы обязательных поставок скинуть.

– Не может быть! Вот это новость. Сразу внутри полегчало. Вот народ-то обрадуется. Деревня сразу оживет. Я прежде всего построю новый коровник. За это давай выпьем, а то мы заговорились.

Налили.

– Ну, за Партию. Все-таки, когда вот так поговоришь, сразу как-то легче становится и понимание приходит, сразу хочется еще чего-то полезного сделать, - взволнованно произнес Анатолий.

Выпили.

– Может этих, - с улыбкой кивнул Анатолий на спящих, - разбудим да пойдем макнемся?

— Давай попробуем.

— Что меня пробовать, я не девка, - раздался сонный голос Николая, - я давно не сплю, слушаю о чем вы здесь шепчетесь. Вы Сашку будите, он связист, привык на войне у аппарата даже под бомбежкой дрыхнуть, а здесь его не тронь, он пока за куст не захочет - не проснется.

— Конечно, - откликнулся Александр, только вы бдительные кормильцы, я свое хотел сказать, да разморило после того, как славненько посидели, вставать не хотелось. Вы все о планах, да поставках. А детей в деревнях видите? Осенью до морозов и весной, пока дороги не просохнут, они фактически не учатся. Толь, ты скажи, многие из твоих ходят в школу? Выдохни, выдохни, я и без тебя знаю, кто постарше ходят в Ключи, а младшие? А....., а то МТС, МТС. Вырастут ведь, безграмотными будут, дикими. Ты спрашиваешь, что у нас впереди. Дикари с бутылкой самогона в кармане, да синяком под глазом. Многие уже сейчас почти не могут ни писать, ни считать. Да что там - говорить не умеют, только матом и отдельные отрывочные фразы, приматничают в разговоре и руками размахивают. Александр встал и пошел за ветлу.

— Саша прав, - переползая ближе к «столу», сказал Николай. - я хотя и не сельскохозяйственный человек, но сами понимаете, «агитация и пропаганда» заставляют быть в гуще событий. Я находился по нашим стёжкам-дорожкам не меньше, чем в войну и знаю чем деревня живет. Иной раз во сне снятся всякие чудища в замасленных телогрейках с лицами серыми, как будто из земли сделанными. Вот эта толпа прет на меня по грязи в кирзовых сапогах. А я стою перед ними голый, все хочу начать доклад и не могу. Забыл основные показатели роста благосостояния трудящихся. А однажды...

* * *

В это время от реки подошли женщины с детьми.

— Вы все руководите? В кой-то веки вырвались к реке, а вы все о том же, ни на минуту нельзя вас оставить. Давайте, идите макнитесь, а мы пока на столе приберем, да вот этих сусликов, - Маша показала на детей, - обогреем. Накупались, аж мурашками гусиными покрылись. Ну-ка, стелите полотенца на солнце и ложитесь греться. Держите по бутерброду и вперед.

За бутерброд с колбасой мы готовы были посидеть на полотенцах, но ровно столько времени, сколько требуется, чтобы его съесть.

Нам, хотя, и повезло с живыми и, как считалось, обеспеченными родителями, но колбасу мы не ели каждый день и запах, который она издавала, всегда ассоциировался с праздниками.

— А где Саша? — спросила Лида.

— Пошел за ветлу грибы поискать, да видно опять уснул там.

— Понятно, - сказала Лида.

— Ничего тебе не понятно, - ответил Саша, выходя из-за ветлы. — Я слушал кузнечиков, - все оторопели. — Да, да кузнечиков и не пугайтесь, я не сдвинулся. Еще на войне сидишь в кустах с рацией часами, ждешь позывных и прислушиваешься, а они стрекочут, но не просто, это они переговариваются между собой, только у нас слова, а у них знаки и каждый звуковой сигнал имеет свою частоту и протяженность. Вот если бы все эти знаки собрать, упорядочить и расшифровать, то мы поняли бы их язык.

— Ну, ты сказанул, - протянул Анатолий.

Уже в то время у дяди Саши возникали в голове удивительные мысли и, поскольку взрослые не очень-то готовы были слушать его и даже посмеивались над его, как они считали чудачествами, он часто уходил с нами в поле и рассказывал чудесные, как мы, ребятишки, тогда считали, сказки о природе. А еще дядя Саша потихоньку писал стихи. Он не стремился стать профессиональным поэтом, а делал это, как он сам об этом говорил, для себя, когда радости жизни омрача-

лись воспоминаниями о войне. Все узнали о его тайном занятии, когда оно перестало быть тайной и в местной газете были опубликованы некоторые стихотворения. Одно очень короткое я запомнил.

Отгремел последний выстрел,
Отгремел салют.
Разошлись они по избам,
Где их жены ждут.
Разошлись по домам солдаты,
Им войну воевать во сне.
Будут долго повсюду хаты
Тлеть углями на земле.
Будут долго плакать матери,
Будут вдовы рыдать по ночам,
Будут праведны наши солдаты,
Что навечно в земле лежат.

Пройдут годы, и наш дядя Саша станет крупным ученым, будет преподавать в университете на Ленинских горах. А потом его заберут в какую-то закрытую лабораторию, как тогда говорили, в «ящик», и он при встречах перестанет рассказывать нам «сказки про живую природу», а все больше будет сам спрашивать – кто как живет и вспоминать, как они с Николаем Петровичем ходили на охоту и однажды вместо лисы убили щенка рыжей дворняжки.

– Это все из-за портвейна, - говорил он. – Я советовал Николаю не брать портвейн, а ему видите ли «залачить» нужно было. Вот и «залачили». Хорошо ее хозяин оказался далеко или испугался пьяных охотников и спрятался в кустах.

– Саш, так ты как – идешь купаться или за кузнечиков стопочку пропустишь?

– Давайте, давайте, вы все равно так просто не отстанете, - с готовностью согласился он.

Когда мужчины ушли, женщины с удовольствием стали прибираться «за столом», дети, согреты жарким солнцем, накупавшиеся и довольные съеденными бутербродами, мирно посапывали на своих полотенцах.

— Смотрите-ка, детишки заснули. Может, их перенести под ветлу, а то сгорят на солнце.

— Маш, тебе не привыкать напрягаться, перенеси их вон туда, там и тенек и трава помягче.

Маша, жена Анатолия, могла бы символизировать образ окской женщины. Она была крепкого телосложения, черты лица крупные, но строгие. На первый взгляд она не привлекала внимание, но опытный глаз Николая быстро разглядел, как это говорится, неприметную красоту. И, действительно, она оказалась не только привлекательной, но и прекрасной женой с мягким характером, но способная проявить и твердость в нужную минуту. Она поделила с мужем тяжелые годы жизни в деревне и потом всегда оставалась, как он говорил, его «надежным тылом».

— Девочки, а что это наши орлы говорили про какую-то «Улыбку»? Ну-ка, поищем.

В одной из сумок была обнаружена бутылка вина «Улыбка» и коробка шоколадных конфет. Общими усилиями они выковыряли пробку, уютно уселись своим кружочком, разлили вино и остались вполне довольны содеянным. Когда их «орлы» вернулись, бутылка лежала на скатерти, что означало: «Купайтесь, купайтесь, мы и без вас можем вполне обходиться какое-то время». А женщины тихонько напевали: «Каким ты был, таким ты и остался...»

— Вот так разлагается партхозактив. В пьянстве и увеселениях, - с напускной строгостью констатировал Иван, - придется делать оргвыводы. А как же вы думали, поблажек никому не будет.

— Не грусти, - успокоил Анатолий, - как на фронте учили: имей несколько каналов поставки. Мы еще мою телегу из кустов не выкатывали.

— Ой, а вы знаете, на неделе пойдет фильм «Кубанские казаки», - оживилась Маша, - он мне так нравится. Коль, давай сходим, там К.Лучко такая красивая, а в главной роли М.Ладынина, говорят она жена режиссера фильма.

Мужчины после хорошего и освежающего купания усаживались под ветлой.

— Товарищи офицеры, - строго сказал Александр, главный виночерпий, - разрешите разлить?

— Настаиваем, - дружно ответили «товарищи офицеры».

— Вы, товарищи, смотрите, - заметила Таня, - а то наразливаетесь. Меру-то не мешало бы знать, тем более в такую жару.

— Танюша, как же ты права, - разливая бутылку «Бычка», отвечивал виночерпий. — Вот мы ее и ищем, но все никак не можем определить. В какой-то момент кажется, вот она пришла, а мокнул в Оке, «Беломорчику» курнул, чувствую: нет, рано складывать крылья, полет еще не закончился.

— Так, что — продолжала Маша, - идем в кино или нет? «Кубанских казаков» давно не показывали. Говорят сам товарищ И.В.Сталин любил этот фильм. А вам, Анатолий Анатольевич, - иронично обратилась она к мужу, - грех отказываться, как проводнику передовых идей Партии в советской деревне. Вы должны нести в массы идеи социального оптимизма, которыми насыщен этот фильм.

— Да... идеи, — задумчиво сказал он, — вы уже выпили?

— Угу, — хрустя огурцами, закивали друзья.

— Я тоже

— Идеи правильные, - неуверенно проговорил Анатолий, - и фильм красивый, особенно ярмарка.

— Особенно девушки, — старался поддержать разговор востепенный Николай, но припомнилась ему другая картина приокских деревень: чавкающая ногами в грязи толпа крестьян. Он задумался и уже машинально потянулся вилкой за остатками селедки.

Маша почувствовала, что заехала куда-то не туда.

— Ну, нет, так нет. Значит вечером будем дома сидеть.

— Почему же нет, - отвлекаясь от каких-то своих мыслей заключил Иван, - почему бы и не посмотреть хороший, красивый фильм, тем более говоришь, самому товарищу Сталину он нравился. Действительно, глядя такие фильмы, заряжаешься энергией и настроение поднимается. Да и песня там хорошая, жизненная. «Каким ты был, таким ты и остался», - неуверенно запел он. Компания с охотой подхватила:

Орел степной, казак лихой.
Зачем, зачем ты снова повстречался
Зачем нарушил мой покой?

Однако, день катился к вечеру, и появилась некоторая усталость от жары, выпитого и съеденного. Дети начинали капризничать, а лошадь Анатолия, привязанная в кустах, своим ржанием уже несколько раз напомнила, что пора и честь знать.

* * *

Собирались не спеша, обсуждая планы будущих встреч.

Анатолий подтягивал подпруги у лошади, разворошил сено в телеге, чтобы мягче было ехать.

— Эй, зареченские, - крикнул он, - на посадку.

Подошел Иван.

— Ну, Анатолий Анатольевич, как тебе наш разговор?

— Честно говоря, я вначале что-то размяк, может, выпил лишнего, но ты, Иван Иванович, вернул меня на место. Спасибо.

— Я, может, опережаю события, но хочу тебе сказать: собирайся в райком партии.

— В каком смысле?

— В прямом. Решается вопрос о назначении тебя заведующим сельхозотделом райкома.

— А кого в секретари и по сельскому хозяйству? Нашего, говорят, на пенсию отправляют?

— На эту должность рассматривают мою кандидатуру. После уборочной все решится. Смотрите, не

подведете там. От уборочной все зависит. Так что скоро поработаем вместе.

— Постараемся, Иван Иванович, не подведем. С коммунистами поговорим, а они беспартийных подтянут.

— Да, и поработай с Михаилом Михайловичем. На орден он не тянет, а медаль обещаю. Республиканскую пенсию выйдем для него. Лес дадим под новый дом. В общем, поможем, чем сможем. Осенью после уборочной приеду, будем решать вопрос. Может быть, два ваших хозяйства объединим. Поступила установка на укрупнение хозяйств. А если упрется, так и скажи: «... голова в кустах». Выговор по партийной линии за пьянство и развал работы и та же пенсия, но без почета и уважения. Мы же говорили, Партия как мать, может быть доброй, но может и наказать. Михалыч мужик с головой, он правильно должен понять, против линии партии не попрешь.

Подожли отъезжающие и провожающие. Иван Иванович на прощанье рассказал историю, как мы ехали на телеге с Клишенской горы и вдруг лошадь понесло.

— Тяну вожжи, а она прет хоть бы что. Здесь надо бы прыгать с телеги. Я-то спрыгнул бы, а его куда девать? — Отец показал рукой на меня. — разобьется же. Как есть разобьется, это и к «бабке ходить не надо». Я кричу ему: «Держись, сынок, распластайся на телеге и замри». А телега прыгает на колдобинах, только и остается: либо перевернуться, либо улететь в Оку. Главное, лошадь на уздечку не реагирует, а у меня руки уже из суставов готовы выскочить. И вдруг, бац, колесо отлетело, осью по земле кое-как затормозили. Смотрю, а уздечка порвана, то-то лошадь не реагировала, а то ведь все губы ей порвал бы, сила-то во мне есть. Дал ей вожжами по морде, чтобы остыла. «Как, - спрашиваю, - сынок, жив?» а он стоит, самого колотун бьет, зуб на зуб не попадает, но держится. «Прорвались, - говорит, пап, мы же не

шпана какая-нибудь, а окские». Чувствуете, орел растет, откуда слова-то такие только выучил?

Я стоял смущенной, что все взрослые на меня обратили внимание. Прижался к отцу и с гордостью думал, какой он сильный и способный, даже лошади в силе не уступил.

— Тронулись, - командовал Анатолий Анатольевич.

— До темноты успеешь? - спросил отец.

— Успеем, махну сейчас «по столбам».

Проводили зареченских. Дядя Саша, тогда еще неженатый, застрекотал на велосипеде с мотором, которым он очень гордился, особенно, когда ехал по людным улицам города. Все остальные вповалку набились в служебный газик, отец сел за руль и не спеша поехали домой.

Отец

Отец любил фронтовые песни. Уставший, возвращаясь из очередной поездки по области, часто негромко напевал себе под нос. Когда его спрашивали: «Как дела?». Он вздыхал:

Эх, дороги!
Пыль да туман,
Холода, тревоги,
Да сплошной бурьян.

И все. И ни слова больше. Но в этом вздохе было столько не сказанного, столько тоски и мучивших сердце проблем, что других слов порой и не требовалось.

В войну он служил в полковой разведке и не любил о ней рассказывать.

— Что о ней рассказывать? — говорил отец, когда его спрашивали, «как там было на самом деле». — Война есть война, ничего интересного там не было, ужас был, кровь и безумие.

Казалось, отец щадил тех, кому не довелось пройти тот путь от Смоленска до Москвы и от Москвы до Берлина. В отличие от традиции, привыкшей смаковать окопную жизнь и героические атаки, он часто повторял: «Не ловко как-то перед погибшими. Они там лежат, а я буду вам байки травить, какой я герой. Кем бы мы ни были, они погибли, а мы остались».

Он как бы стремился замкнуть на себе боль своего поколения и те страшные годы, когда им пришлось полной мерой хлебнуть военного лихолетья. Сам он всегда с большим вниманием смотрел по телевизору передачи о войне и читал военные романы, «Воспоминания» военачальников, после чего надолго замолкал, насупившись, уходил в какое-нибудь дело, и все знали, что отца лучше в это время не беспокоить.

Однажды, будучи еще пацаном, я обнаружил, что на дне фарфорового бокала, в котором отец разводил мыло для бритья, изображена свастика и орел с распростертыми крыльями. Это был единственный трофей, привезенный им с войны. Когда я спросил: «Откуда это у тебя?». Отец коротко и строго ответил: «С войны». Больше этого бокала я не видел.

Однажды, это было в День Победы, когда гости уже разошлись, он сидел на кухне, привычно насупившись, курил, погруженный в свои мысли. Я решился и попросил рассказать что-нибудь о войне.

— Пап, - попросил я, - сейчас так много стали рассказывать о героизме в годы войны. Вот и С.С. Смирнов по телевизору такие вещи рассказывает, а мы ведь ничего об этом не знали. Ты бы хоть что-то рассказал. А то в компании у нас, когда говорят о

войне, мне и сказать нечего. Не учебник же пересказывать.

— Учебник тоже надо знать. И литературу о войне нужно читать, там много важного сказано, - в задумчивости ответил он. — На то он и учебник. А в компаниях ваших болтают много лишнего. Героизм — понятие емкое и непростое. О нем так просто не скажешь. Люди воевали не для того, чтобы стать героями. Это была тяжелая и страшная работа, под пули мало кому хотелось лезть, поэтому в атаке и кричали «Ура!», чтобы отогнать от себя прочие мысли и страх смерти. Знать об этом вам надо, но и забалтывать войну героизмом отдельных людей — значит умалчивать о подвигах других. Вот Сергей Сергеевич делает благородное дело, ищет все новых и новых героев. А некоторые только и трещат о своем вкладе. Самым печальным на войне было допустить ошибку. За ошибки всегда кто-то должен был платить. Иной комбат гонит и гонит людей в атаку. Хотя что значит гонит? Ему из полка приказ: «Взять высоту», а артиллерия атаку не подготовила, их огневые точки не подавлены, пехота лупит из пулеметов прямо по окопам. Команда: «В атаку!», взводные выскакивают из окопов и не успеют крикнуть — «В атаку!», валятся назад в окоп, но уже с пулей в груди. А комбат опять — «В атаку!». Если разобраться, она, эта высота, никому так срочно и не нужна. Проведи артподготовку грамотно, подгони танки, тогда и ори «Ура» - и высота твоя будет, и людей сохранишь. Нет же, у них как будто шило в одном месте покоя не дает, а сами снаряды экономят. После таких атак похоронки писать не успевали.

Отец надолго погрузился в свои мысли, глядя в окно, как будто из этого окна он вновь увидел ненавистную ему высоту.

— Помню, - продолжал он, - под Смоленском ползем по полю «языка» брать. За спиной наши окопы, впереди немецкие расстояния совсем ничего. Тишина, и мы молчим, только обмениваемся специ-

альными жёстами. И вдруг нос к носу немецкая разведка. Как и мы в маскхалатах, рожи грязные. В момент бросили автоматы, выхватили ножи. О, ох! До сих пор, как вспомню, мурашки по коже. Рукопашный бой самый страшный. Все молчком, только храп слышен. Все понимают, в окопах услышат, что свои, что немцы, разбираться не будут, лупанут из пулеметов или закидают минами. А мы на голом месте. И вдруг слышу, дружбан мой Лешка шепотом кричит: «Иван, прикрой». Он увидел, что один из наших против троих колотится. Прыгнул в кучу, а крайний успел развернуться и нож выставил, так Лешка всей грудью на нож так и налег. «Какой Иван? - отзывается «немец». Короче говоря, когда разобрались, они оказались не немцами, а нашей группой из сопредельного полка. Сбились с маршрута, как их угораздило? В результате за две-три минуты перерезали половину наших, половину их группы. А ты говоришь героизм! Их капитан попал под военно-полевой суд, наш «старлей» звездочку потерял, нас всех на гауптвахту за невыполнение боевого задания. А вот кто погиб, - отец взял паузу, глубоко затянулся, не спеша выдохнул, - тем в похоронках написали: «Погиб смертью храбрых при выполнении боевого задания». Не ошибся бы их капитан, храбрыми они и так остались, но были при этом еще и живыми.

— А что Лешка?

— Лешка умер у меня на руках. Наш земляк был, с Оки. За жену и ребенка страдал, умирая, все повторял: «Она у меня такая слабенькая, доверчивая и несамостоятельная. Как же она теперь без меня? Ведь пропадет ... и сынишка с ней. Он тоже слабенький, родился болезненным, семимесячный, худой, как шкет». А самое главное, и в победных атаках люди тоже гибли, - продолжал отец. — Вот и выходит, что любая победа — тоже трагедия, это тоже смерть. В этом — драма войны. Воевали мы все вместе, но жизнь у каждого была своя. Иной раз и героизм-то был не нужен, ума бы кое-кому побольше. Поэтому

копаться во всем этом надо осторожно, с умом, иначе человек так может озлобиться, что это заведет его неизвестно куда.

* * *

Отцу повезло. Уже в Берлине на улице Унтер ден Линден на подступах к Рейхстагу его осколком мины долбануло по голове. Повезло не потому, что мина достала его, а потому, что осколок был на излете и не убил его насмерть, хотя здорово проломил череп. Не случись этого, через минуту, час, за день до окончания войны мог получить смертельную пулю в грудь. И тогда победа на всех обернулась бы еще одной трагедией для одной конкретной семьи. Что хочешь, то и делай: хочешь – праздную победу, хочешь – устраивай поминки.

Возвращался отец с войны не в шумных хмельных вагонах победителей, а в санитарных вагонах тяжелораненых. Так довело его ранение до госпиталя в Тульской области, находившегося недалеко от его родных мест на другой стороне Оки. Ока, на берегу которой находился госпиталь, напоминала ему, что он не на чужбине, а почти что дома, и линия его жизни не прервалась, а продолжается. Поэтому, несколько окрепнув, он попросился на долечивание домой, а вскоре нашлась ему и невеста, о которой он мечтал, примерзая к земле в окопах или покрываясь холодным потом, ползя по-пластунски по пшеничным полям или, как последний раз, крича «В атаку! Ура!» на Унтер ден Линден.

А как же повезло мне! Ведь ударь тот осколок отца сильнее и не было бы меня на этом свете, а родился бы у моей мамы кто-то другой. И не мне, а ему и не мой, а его отец рассказывал бы все это на кухне после празднования 9 мая, под впечатлением захватывающей передачи С.С.Смирнова.

* * *

Когда отца перевели в Москву, он с энтузиазмом взялся за работу. Партийная работа захватила его полностью. Было видно по всему, что масштабы работы не пугали его. А мы чувствовали, что он занимает не чужое место, а вполне естественно пришел на свое и, наконец-то, сможет сделать то, о чем говорил и мечтал все прошлые годы, когда сутками колесил по району, потом по области, а на отчетах только и слышал:

— Не тебе решать, что нужно делать. Партия за тебя все давно решила. Ты должен думать, как это сделать? Вот задача, поставленная перед тобой Партией.

Отец продолжал пропадать в командировках, думая, как же решить эти задачи. И когда казалось, что решение созрело, вновь возникала масса, казалось бы объективных обстоятельств, которые сводили все эти решения на «нет».

С годами работы в Москве энтузиазм отца постепенно гас. Все реже у нас в доме собирались компании его старых друзей. Все чаще он ужинал один. И все чаще перед ужином принимал «наркомовскую норму». На домогательства матери: «Что с тобой происходит?», уныло отвечал:

— Лучше бы не знать, всего того, что знаю я. Раньше мне казалось, вот райком партии. Они там не могут принять нужного решения. Стал секретарем райкома и понял, что от меня в этой работе ничего не зависит. Ну, думал я, надо тормозить обком. Стал секретарем обкома и вижу — то же самое: я как мальчик на побегушках, а все решается наверху. Назначили на работу в ЦК, и что же? Опять, оказывается, решения принимаются где-то в другом месте.

— Скоро начнут под себя ходить, но никто не подвинется, — бубнил отец.

Всем тогда такая безличностная фраза была понятна. Страна наполнялась подобными разговорами и анекдотами о престарелом руководстве страны.

— Еще бы, детей и внуков кормить надо, а те привыкли к безнаказанности, вот и творят, что бог на душу положит. Думают, что страна — их вотчина, бездонное корыто халявы, а люди за кислой колбасой в драку кидаются в универсамах, представляешь, — обращался он к маме. На днях сам видел, хотел своему заму об этом рассказать, так он побледнел, замахал руками и пулей вылетел из кабинета. Хорошо не заложил. Здесь получаю предписание уволить одного из своих. Оказывается, рассказал не к месту, в кругу «друзей» в ресторане анекдот про «Верного ленинца». Как тот перепутал Маргарет Тэтчер с Индирой Ганди.

— Ты же видишь, — возмутилась мама, — что творится кругом, а сам болтаешь не весть что. Все, все знают и молчат, а ты? Видите ли, в универсам зашел. Ты бы еще в очереди за водкой постоял и рассказал у себя в Отделе. Хоть нас пожалей, ведь выставят и не посмотрят, что ты весь заслуженный и как в молодости гоняешь по территориям. Надо в кабинете сидеть, у руководства на глазах, а по командировкам путь молодежь бежит.

— Не могу так, — вздыхал отец, — видеть и молчать, знать, что решения, порой, на поверхности лежат, только захотеть. Но не хотят ведь, боятся за свою шкуру. Лучше ничего не делать и втирать очки «о росте благосостояния трудящихся». Допрыгаются, потеряют страну, будут тогда локоть кусать, да не достанут.

Отец наливал очередную рюмку «наркомовской нормы». Мама терпеливо молчала.

— А теперь нам говорят: «Не правильно работаете. Нужно мобилизовать резервы». Какие резервы? Где они? Я тебя спрашиваю: где их взять?

— Ну, ладно. Ты не расходишь. Все вы хороши. Не мне тебя учить. Сказано «искать резервы», значит надо их найти. Кто найдет — получи очередной орден, нет — выговоряшник, да еще с занесением в личную карточку.

Отец пучит хмельные глаза на маму:

— Ты понимаешь, что говоришь? Народу жрать нечего, а я ради своей шкуры буду Партии очки втирать? Да лучше пулю в лоб.

— Вань, ну успокойся. Что ты завелся? Пошли спать, «Переделется – мука останется», говорят в народе. А ты – пулю в лоб. Мне тебя и хоронить-то будет не на что. Бессеребренник ты мой. Пошли, пошли.

Отец нетвердой походкой шел в спальню.

— Зачем я уехал с Оки? – бормотал он. Хотели лодку купить, рыбачить. Лид, поехали летом на Оку в деревню, рыбку половим, ушицы с мужиками на берегу попьем.

— Попьешь ушицы, но не на Оке, а на Потомаке. Тебе по протоколу летом в Америке отпуск проводить на содержании у фермера мистера Челмсфорда – налаживать советско-американские отношения.

— Провались они эти американцы с их дружбой. Знаем мы их. Кстати, тебе бы надо гардеробчик обновить. Неловко перед этими Челмсами с Фордами в нашем, по простому.

— Спи, без тебя советчиков хватает.

Отец засыпал. И снилась ему Ока. Здесь прошли безмятежные детские годы: летом «ночное» с табуном лошадей в деревне на берегу Оки, костер, первая любовь и первые драки с соседскими ребятами, ночь в стогу, а утром жаворонок высоко-высоко в небе, как колокольчик, который предупреждал: «Не спеши, это только начало, жизнь впереди». После войны уже не мальчишку, а офицера-фронтовика встретила его Ока размеренными волнами, степенным и свободным течением, как бы говоря:

— Иван, будь умным, вдумчивым не суетись, побольше выдержки, а то всю жизнь проживешь кое-как. Не ты первый, не ты последний.

И вновь жаворонок над окской поймой наставлял:

— Слушай, Ваня, она пустого не пожелает, будешь ей потом век кланяться.

Мужской разговор

Призыв к «перестройке» и «ускорению» страна встречала с оптимизмом. Казалось, что вот оно – долгожданное «светлое будущее» не сегодня, так завтра осветит своим сиянием почти угасшие очаги надежды на перемены. Все население не отрывалось от телевизоров. Далеко за полночь продолжали следить за ходом заседаний Съездов Советов. А здесь неожиданно подоспела XIX партконференция, раскаяние Бориса Ельцина, пламенная речь Егора Лигачева. Его фраза «Борис, ты не прав» стала крылатой, но мало кто понял ее глубинный смысл.

Однако вскоре все свелось к пикировке реформаторов-региональщikov с теми, кто еще надеялся на «руководящую и направляющую силу Партии». Партийцам в голову не приходило, что дни Партии сочтены, а демократы думали: достаточно отменить известную статью Конституции, на которую опиралось обветшавшее здание партии, и все встанет на свои места. Зачумленный в годы «застоя» обыватель, упершись в телевизор, фактически ничего не понимал и не думал ни о чем, хотя, по старой привычке по утрам, в курилках, а вечерами на кухне под рюмку и бутерброд с колбасой, продолжал обсуждать выступления ярких ораторов. Но никто не поспешил засучить рукава для наладки производства или восстановления сельского хозяйства. Все ждали очередной халявы, но теперь уже не от Партии, а от реформаторов, которые кинулись писать проекты перестройки.

Известный в то время демократ Г.Попов, когда его прижали вопросами: «Как бы вы поступили, будучи начальником цеха какого-либо завода?», признал, что реформирование отдельных предприятий или их структур невозможно без перестройки всей экономики. А ее преобразование виделось кому за 500 дней, кому за 400, кому за неделю после проведения «шоковой терапии». Экономисты Шаталов и

Явлинский в духе «старой и доброй распределителовки» сели подсчитывать сколько населению страны чего потребуется и хватит ли этого до того, как ускоренные темпы перестроят экономику. Список был внушительным, подсчитанной оказалась даже потребность в презервативах (если мне не изменяет память, не учли только требуемые размеры).

В общем, вскоре все это превратилось во всеобщее развлечение. Хохотали над призывами М.Горбачева «нбчать, а потом углэбить». Всей душой желали, чтобы А.Сахаров прорвался к микрофону, а еще лучше, чтобы делегаты подрались у этого микрофона. Ждали, кому отключат, кому включают микрофон. Пытались посмеиваться над защитниками русского мужика, фактически призывавшего громить колхозы и мечтавших о фермерских хозяйствах. Не видя разницы, восхищались мужественной позицией Т.Горячевой и не меньшим мужеством Л.Старовойтовой, возмущались депутатами, что те не знают на какие кнопки и как нажимать во время голосования.

В общем, страна проснулась от убаюкивающей демагогии партийных съездов и искренне стремилась к перестройке. Даже вчерашние столпы Партии с выразительным недоумением восклицали: «Разве мы против перестройки или враги демократии?! В конце концов, кто как не Партия объявила курс реформ?». Получалось, что все «за», но каждый понимал это «за» по своему. И вдруг как снег на голову статья Н.Андреевой «Не могу поступиться своими принципами». Говорили, что за ней стоит Е.Лигачев. Статья оказалась неудачной – провокационной. Фактически демократия была предупреждена: «Смотрите, мол, мы не отреклись от старого мира». А ветераны Партии были поставлены под удар, как нераскаившиеся консерваторы, да еще, как выясняется, воинствующие.

* * *

Пока шла реформаторская трепология, улицы городов стали покрывать стихийные овощные рынки и киоски цветов. Деловые люди почувствовали действительную свободу и, не читая К.Маркса, нутром поняли, что хорошие и быстрые деньги можно сделать на торговле, т.к. есть хотели все, а овощей и фруктов на юге России всегда хватало. Началась невиданная спекуляция, которую по научному назвали свободным рынком.

Как грибы после дождя появлялись кооперативы. Производственники быстро сообразили, что на остатках их предприятий успешно могут функционировать малые предприятия. Наступил «серебряный век» чиновников. На взятках и посредничестве они «забурели» в один миг. К тому же, взятки получили моральное оправдание со стороны первого мэра Москвы, уже упоминавшегося Г.Попова, объявившего их гонораром чиновников за предоставление услуг деловым людям. Явные жулики, не желая делать ничего, стали торговать «воздухом», что выразилось в авизомахинациях. Увидев все это, накаченные, как футбольные мячи, с неповоротливыми шеями и без признаков мыслей в глазах, молодцы из подворотни быстро стали сплываться в стаи рэкетиров. В общем, каждому желающему на свободном рынке находилось место и столько, что свободный рынок стали называть диким, а свободу – беспределом.

Колхозы и совхозы захирели первыми, но мужик не спешил создавать фермерские хозяйства. Получалось, что реформаторы громили своими речами колхозы, а тех, кто пожелал завести свои хозяйства, жгли и громили мужики. Коммунальный менталитет похмелившегося крестьянина не мог перенести такого безобразия, когда всем было плохо, а рядом начинал «жировать» сосед: «Все, так все, всем стадом дерьмо месить и нечего вылезать, нашелся здесь? Земля-то его что ли? Она ведь народная, и техника колхозная, подумаешь, выкупил он ее. Как выкупил, так и вер-

нет». Особенно туго приходилось энтузиастам из города. Парное молоко и копченые окорока с собственной фермы будоражили воображение дилетантов-горожан ничего не понимавших в сельском хозяйстве, и которым надоело жить в коммуналках на нищенскую зарплату в городе. Собрав кое-какой «стартовый капитал» (некоторые даже продавали свои городские квартиры), они направлялись в деревню. Но деревня, уставшая от собственного неустройства и неудач, встречала их не резными булками на сметане, а колхозники – улыбками и объятиями, а злобой и раздражением. Деньги скоро кончались, а помощи нашему горе-фермеру ждать было неоткуда, и он пополнял начавшую в те годы формироваться армию бомжей или впадал в беспробудное пьянство.

* * *

Когда от Егора Кузьмича Лигачева все давно устали, но еще не могли избавиться напрочь, его «бросили на сельское хозяйство», видимо, для того, чтобы он окончательно опростоволосился, тогда и избавиться от него навсегда.

Кузьмич, как его звали товарищи по партии, был «тертый калач» и сдаваться не желал. Он решил взять и показать всем, что он способен еще на многое. Для начала он обновил управленческие структуры сельского хозяйства, убрав возможную внутреннюю оппозицию.

– Привыкли, - негодовал он, - сваливать все на климатические условия. То их дождь затопит, то солнце засушит. Когда я был секретарем Обкома, не жаловался на климат. Каждый год план давал, и область жила без дотаций.

Но главное, он сделал важный стратегический ход, который, по его расчетам, должен был подстраховать его от возможного провала. Как бывший секретарь Обкома, он знал слабые стороны аграрной политики КПСС. Не поленился еще раз просмотреть основные партийно-правительственные постановле-

ния по сельскому хозяйству. И решил подготовить обобщающий доклад. Обдумывая план доклада, он стремился показать так недостатки, чтобы не озлобить современное руководство и поддержать обкомы, рассчитывая, в случае необходимости, на их поддержку в борьбе с молодыми реформаторами, которых он любил называть «чикагскими мальчиками». При этом, вспоминая опыт Н.С.Хрущева, который опередил всех с разоблачением культа личности И.В.Сталина, он стремился так построить материал, чтобы в глазах руководства и масс доклад выглядел как откровение, как новое слово, а его автор, как носитель нового мышления.

Инструктируя помощников, Егор Кузьмич, потребовал подобрать объективные материалы и цифры, не путаться в мелочах и частностях.

– Никаких имен, – наставлял он, – все в общей постановке вопроса и спокойным тоном. Без восклицаний и эмоциональности.

Доклад в целом получился интересный. Из специальных сейфов были подняты секретные папки со служебными материалами. Главный удар наносился по инвестиционной политике. Ретроспектива в послевоенные и все последующие годы позволила доказать, что сельское хозяйство фактически не финансировалось. Средств, которые направлялись на его развитие, не хватало даже на самое необходимое, даже на «латание дырок», поэтому они «уходили в песок», и положение деревни в принципе не могло измениться к лучшему. Закупочные цены. Они хотя и росли, но абсолютно не соответствовали трудозатратам и ценообразованию на рынке страны в целом. В 50-е годы, когда встал вопрос будет ли деревня возрождаться, или она окончательно погрузится в трясины хронического кризиса, инвестиции ушли на Целину, которая себя не оправдала, и в начале 60-х годов страна пережила хлебный кризис со всеми вытекающими последствиями. Дело дошло до того, что даже в

Москве мука распределялась по месту жительства. В Подмосковье «белый» хлеб пекли со значительным добавлением в него кукурузы, чуть полежав, такой хлеб синел, что для русского человека было делом, по меньшей мере, непривычным. Но выводы из сложившегося положения были сделаны неверные: деревня инвестиций не получила, а деньги были пущены на закупки хлеба за рубежом, в стране основной акцент был сделан на производство мясомолочной продукции, для чего необходимо было решать проблему кормов. Расчет был сделан на тотальное выращивание кукурузы, что, как и прежние эксперименты, с позором провалилось.

По масштабам выращивания кукурузы дело доходило до абсурда. Поговаривали, что кое-кто «наверху» специально так планировал «кукурузную кампанию», чтобы скомпрометировать Н.С.Хрущева. Егору Кузьмичу припомнился один бригадир из Подмосковья, где кукуруза никак не хотела расти, когда его наградили орденом за «высокие показатели», встал на колени перед кукурузным полем и поднял руки вверх. На фотографии в газете получилось, что у него поле кукурузы значительно выше его роста. Читатели газеты тогда говорили: «Вот видите, у передовиков какая кукуруза растет? А у вас маленькая потому, что работать не умеете». Машиноtractorный парк был показан как практически пришедший в негодность. Этот эпизод в доклад включен не был.

Закончив редактировать доклад, Е.Лигачев остался доволен. Он понимал, что инвестиционная политика актуальна и сегодня.

– Дадут денег – хорошо, - думал он. – Кто настоял на этом? Он, Е.К.Лигачев. Не дадут – скажу: «Я вас предупреждал». Заодно посмотрим, что толку от ваших фермеров.

Доклад был принят с вниманием, но автор ждал фурора и рассчитывал, что на какое-то время доклад

и его автор попадут в центр политической жизни страны.

Но этого не произошло. И не могло произойти. Егор Кузьмич ошибся в оценке обстановки. Он подошел к новой ситуации со старым мерилom. Глубокий анализ прошлого мало кого волновал и в развернувшейся политической драке, большинству было не до сельского хозяйства. Те, кто недавно пришел в большую политику, боялись, что если публично поддержать доклад, это может укрепить позиции стариков, которые группировались вокруг Е. Лигачева, старики боялись вызвать недовольство окрепшей молодежи.

И он понял, что все... — его время и время его поколения ушло безвозвратно. Больше он активность не проявлял. Продолжал работать, вида не подавал, но ждал неминуемой отставки. Хотя и не предполагал, что ему предстоит пережить не только личную отставку, а разделить участь всей партии, судьба которой была предрешена.

Он подошел к окну. На улице светило яркое солнце, вспомнились слова одного из партийных гимнов: «Под солнцем Родины мы крепнем год от года. Мы делу Ленина и Партии верны».

— Все-таки, — подумал он, — кое-что было сделано. Совесть моя может быть спокойной. Да и этого «костолома» Ельцина удалось тряхнуть напоследок. Будет помнить — не все ему глотку драть на митингах. Конечно, хотелось бы еще поработать, ну да ладно, будь что будет.

Егору Кузьмичу и его поколению партийных функционеров действительно было нелегко. Всю жизнь они много работали, бились над «показателями». Обратной стороной их медалей были инфаркты и прочие «не учтенные» болячки. Но признательности и любви народа они так и не завоевали.

— Как же так получилось? — недоумевал Е. Лигачев — Уж я-то знаю, как всякий раз балансировалась

экономическая политика Партии, как отрабатывались социальные аспекты ее политики. Попробуй не учти чего-нибудь, так высекут, что до следующей пятилетки на заднее место не сядешь. Казалось бы, взвесили все аспекты развития. Ан, нет!? То здесь что-то треснет, то там нехватки, то везде недостатки.

Все-таки надо было над кадровой политикой работать еще тщательнее. Да, кадры, кадры.. Опереться стало не на кого. До чего дошло – сплошное кумовство. Чуть кого прижмешь, а тебе звонок, так мол, и так, надо товарищу, помочь и поддержать. А его пора гнать взащей, но выясняется что он «муж сестры троюродной племянницы от первого брака» и его куратор надеется на «правильное понимание» ситуации. Или кто-то из руководства когда-то вместе с ним «битву за урожай» где-нибудь в южных территориях России или под его «чутким руководством» вывел в передовые промышленный гигант пятилетки. А под этой шапкой всякие там бывшие «младшие научные сотрудники» обложили всех и вся со всех сторон, заморочили голову своей ученостью и схоластикой. А наш «говорун» и рад, вот оно – «новое мЫшление». Кому же оно нужно такое «мЫшление», если они орут: «Долой Госплан, никакого планирования не надо!». Идеологию вообще замордовали, подавай им деидеологизацию. Умные-то люди понимают, что они не против идеологии вообще, а против коммунистической идеологии. Этак и Партию, того гляди, запретят. Короче, допрыгались, допустили, в наши ряды «пятую колонку», теперь суди-ряди, как это можно «ускорить развитие в процессе перестройки»?

Мрачные мысли Е.Лигачева прервал телефонный звонок.

– Егор Кузьмич, - раздался знакомый голос с легким южнорусским выговором, - мы здесь обсуждаем вопрос о новом курсе нашей внешней политики и знаете ли, сформировалось мнение, что пора углубить переговоры с западом о разрядке междуна-

ной напряженности и строить отношения с ним в контексте нашей внутренней политики. Как бы вы отнеслись к такому курсу?

«Вот они, демократы, - подумал про себя Лигачев, - кто-то там («они») обсуждают, меня не зовут, а звонят - ищут поддержки». А вслух сказал:

– Михаил Сергеевич, проблема мне представляется не простой. Запад, особенно Америка, требуют изменения наших отношений с Восточной Европой и афро-азиатским миром, не дай Бог, начнут советовать как нам осуществлять перестройку, да еще поставят решение вопросов международных отношений в зависимость от основных направлений и результатов перестройки.

– Все это нам понятно, но перестройку не завершить без учета позиции Запада, а в случае удачных переговоров мы могли бы получить неплохую финансовую поддержку. Что же касается наших союзников, то в процессе переговоров, я думаю, мы могли бы прийти к консенсусу. Так что скажите?

– В любом случае, курс надо вырабатывать взвешенный и не спешить идти на уступки и в их объяснения.

– Ну, хорошо, я так и доложу товарищам, что Е.К.Лигачев «за», но считает необходимым тщательную проработку нового мышления во внешней политике. Спасибо, до свидания.

Лигачев повесил трубку, вызвал помощника и попросил его принести «Доктрину национальной безопасности США» с комментариями Госдепартамента. «...Найдет он какой-то там «консенсус»? Откуда слово-то такое выкопал? Сразу и не выговоришь. Хочет понравиться Западу. Он-то может и понравится, но не понимает, что СССР они не любят и весь его консенсус обернется нашим отступлением и уступками в пользу их интересов. Для них наше государство будет «хорошим» только как придаток к их мировой империи. Поэтому и трезвонят об этих

самых «общечеловеческих ценностях», чтобы лишить нас наших. Э, эх, опять хотят нас обмануть, а эти уши-то и развесили. Хлебнут они еще этой «свободы», сами же в ней и потонут, а вместе с собой – народ и страну потянут в бучило.

Помощник принес документы. «Никого не пускай, я занят», - коротко произнес он и углубился в их чтение.

* * *

Вскоре последовала очередная и последняя перетрубация в ЦК КПСС, когда была «продемонстрирована воля партии» к ее, якобы, «обновлению».

М.С. Горбачев искренне стремился к оживлению страны от «застоя». Однако, будучи человеком импульсивным, он не понял, что перестройка должна осуществляться постепенно, шаг за шагом, не допуская поспешности и перекосов. Осуществлять ее с «сегодня на завтра» было невозможно, как нельзя вылечить тяжелую болезнь одним уколом. Кто-то из приближенных, зная его поспешность, подсунул лозунг «Ускорения». Вот отсюда все и пошло: пришлось проводить мероприятия, хотя и в духе перестройки, но поспешные, поэтому не способствовавшие положительным результатам. В конечном итоге скомпрометированный рядом неудач, он начал склоняться к популизму («забалтыванию» перестройки, как тогда говорили) и поддерживать необдуманные решения. Созданная коммунистами Система дала трещину, а вскоре она стала разваливаться.

М.Горбачев с трудом наблюдал за этими процессами, но все меньше и меньше находил опору в Партии, деятельность которой была парализована, хотя до последнего момента надеялся, что тот социализм, который был построен до него, возможно реформировать. Но энтузиасты «обновления социализма» ему уже не верили, а «молодые демократы» не хотели верить в возможности социализма.

– Трагедия Горбачева, - как-то сказал отец, - в том, что он не как видит провозглашенные им лозунги незаметно и методично используются для создания новой Системы, основанной уже не на идеях социализма. И за эту политическую слепоту придется дорого заплатить. Кто упустил власть, тот назад ее уже не вернет.

* * *

Последнее время отец часто болел. Врачи настаивали на постоянных обследованиях и длительном лечении. Но работа такой возможности не давала, когда ему все же приходилось ложиться в больницу, это стало вызывать раздражение у руководства. Поэтому при последних перестановках в аппарате ЦК КПСС отца отправили в отставку на «почетную пенсию». Как человек, привыкший всю жизнь работать, и непросто работать, а с напряжением всех сил, он не мог пережить этого, т.к. других занятий он не имел.

Умирал отец тихо и с достоинством, стараясь не показывать близким учащавшиеся резкие болевые приступы, просто его сердце с каждым днем билось все слабее и слабее. Когда он окончательно слег, то старался не докучать ни врачам, ни близким. Но иногда повторял: «Я прожил жизнь так, как хотел ее прожить, поэтому я счастливый человек. Моя смерть – это завершение моей жизни, ее последняя дистанция. Я сделал все, что мог и как мог, а на большее уже не способен, поэтому и умираю».

Последнее время каждый день к нему приходил кто-то из друзей. О чем они разговаривали, никто не знал, т.к. беседы их длились при закрытых дверях в спальне.

Чаше всего у отца бывал Анатолий Анатольевич. Видимо, многолетняя работа на сельскохозяйственной ниве сближала их не просто как друзей, но и общими интересами. С годами их работа все больше и больше становилась их сущностью и им было не ин-

интересно говорить о чем-то ином, а может быть, они, глубоко доверяя друг другу, только и могли прямо и откровенно сказать все, что думали, чего не сказали бы другому человеку.

Во время очередного визита Анатолия Анатольевича, а случилось это днем, когда кроме отца и меня дома никого не было, он привез, как водится, бутылочку хорошего коньяка, и отец попросил меня собрать чего-нибудь закусить, как он говорил, из «цековского корыта».

— Посиди с нами, - сказал он, - дай науке отдохнуть от тебя. Выпьем по рюмочке, пока дядя Толя допущен к «цековским погребам», а то ведь скоро тоже получит по одному месту и будем мы на даче у Александра Васильевича в домино играть и кузнечиков слушать, а Николай Петрович будет нам поставлять окскую самогонку, настоящую на зверобое. Ну, давайте! «Слава КПСС!», да не иссякнут «закрома Родины!»

— Да, уж «закрома», - печально вздохнул Анатолий Анатольевич. — Помнишь анекдот: «Два мужика обсуждают материалы очередного съезда КПСС, один другому говорит: «Вот смотри, здесь написано: «Все для человека, все во имя человека». А другой ему отвечает: «Я даже знаю этого человека». Печально то, что мы с тобой тоже вроде как эти «Человеки». Всю жизнь на «пайках» и «заказах» прожили. По ним, считай, можем проследить «рост благосостояния людей» с послевоенных пайков до сегодняшних заказов. И ведь не откажешься, а откажешься скажут: «Противопоставляешь себя коллективу, не ценишь заботу Партии о тебе, зазнался». После этого и до «оргвыводов» недалеко.

— А ты помнишь, кажется в середине 70-х годов, шел дележ андатровых шапок? Вспомнить, так от стыда хочется провалиться.

— Не говори, списки согласовывали, утверждали, а получали шапки только руководящие работники.

Если же секретаря райкома осчастливят – значит он приближен к кому-то из обкомовского руководства. Помню, один малый из простых купил себе шапчонку на стороне, а его зав.отделом в этот раз пролетел мимо разрядки за какие-то провинности и талона на «ондатру» не получил. Так он того мальчика ел поедом, пока тот не снял ее и стал ходить как все.

– Сейчас скажи, кому из молодежи, так не поверят. Веселая картинка получалась: если мужчина в «ондатре» или «пыжике» – ответственный работник, если грудастая девка, разукрашенная, в золоте и соболиной шапке, значит торговка из овощного отдела. А посередине все остальные. Смотрели они на нас и печально головой покачивали, говорили, «эти своего не упустят и с соседом не поделятся». Нас сравнивали с торговками.

– Как не «поделятся»? Делились. Помнишь, даже выражение было «выбросить товар». В каком-нибудь универмаге «выбросили» на прилавок ковры – весь город там, нужно, не нужно, все, кому доставалось, волочили домой, вешали на стены, стелили на пол, кровати покрывали.

– Только что унитазы не накрывали.

– А как же – у соседей есть, а мы что не люди? «Выбросят» хрусталь – по всему городу хрустальный перезвон, как в церкви. И ведь брали не для того, чтобы пить из них, а устанавливали в сервантах для красоты и стояли они пыльные в несколько рядов. По ночам в очередях дежурили, костры жгли и на руках номера писали. Попробуй отойди в момент сверки номеров – все, остался без дефицита.

– Вот, вот. Дефицит. На нем выросла целая философия жизни. Нищета и дефицит, а главное бесперспективность изменить положение выработало у людей стремление к дармовщине – всеядной безвкусице, отбившей у людей настоящий вкус к жизни. Обрати внимание, в магазинах и карманах пустота, а квартиры в коврах, серванты забиты хрусталем и фарфором.

В универсамах драка за колбасой, а на столе, особенно в праздник, все, что требуется. В праздник стол без икры - не стол.

— Ну, почему ты говоришь «в карманах» пусто? Копили и откладывали, на всем на чем только могли сэкономили. И целыми днями только и искали, где и что дают. Какая-нибудь Маша напала на сапоги, сразу звонит подружке: «Приезжай в универмаг, сапоги дают», та звонит своей подружке. Смотришь, часам к десяти в универмаге весь город, а сапоги уже кончаются — ушли из-под прилавка. Что остается делать? Опять остается искать где, что выбросят.

— Да, этот «дефицит» аукался во всех слоях общества, стал его бичом. Не зря же шутили: «У каждого свои проблемы, у кого бриллианты мелкие, у кого щи пустые». А все эти «специальные» спецраспределители... Мечта наших дамочек. Дораспределялись.

* * *

Бутылка коньяка пустела медленно, не то что раньше. Было видно, что друзьям хотелось выговориться, еще и еще раз вывернуть прошлое и пережитое, понять, почему же оно — это прошлое, сложилось не так, как они мечтали о том и к чему стремились. Постепенно разговор «выруливал» на болезненную тему.

— Толя, а ты помнишь тот наш разговор под ветлой на Оке? — спросил отец, разливая коньяк по рюмкам.

Анатолий Анатольевич как будто только ждал этого вопроса.

— Как не помнить? И не только тот разговор, кажется вся прошлая жизнь как на ладони. Эти пустые «призывы», «постановления» и наши «битвы за урожай». Много не забывается.

— Тогда для нас все это только начиналось, не успели оглянуться, а - время подводить итоги. Я, думаю

- все нынешние нововведения, это нам аукнулось прошлое. К сожалению, сбылось то, чего мы больше всего боялись. Мы так и не достигли «светлых» рубежей, а Запад далеко обошел нас, поэтому Партия и теряет опору в обществе.

– Ну, это мы еще посмотрим, - отозвался Анатолий Анатольевич, - в Партии еще достаточно энергии, чтобы противостоять словоблудству и проникновению чуждых идей. Общество само никогда не примет пропаганды Западных идей. Главное – умело обновить Партию идейно и организационно.

– Может быть, ты и прав, что народ не пойдет за болтунами и погромщиками социализма. Прав и в том, что Партия еще обладает энергией. Но беда в том, народ уже никогда не запоеет «мы делу Ленина и Партии верны» - слишком долго испытывали терпение народа, он больше не поверит Партии, если даже по существу она будет права. Беда еще и в том, что народ, сбитый с толку изуродованными идеями социализма народ, готов поверить любому краснобаю, обещающему ему легкую жизнь, как он верил «в светлое будущее», раньше. Сегодня он психологически будет ждать дармовщины от каждого, кто ему ее только пообещает. Выйди на митинг и объяви, что с осеннего урожая по низким ценам завалишь область продуктами, если тебе не помешают консерваторы в партийных органах, которые только и озабочены сохранением своих привилегий, так они прямиком с митинга пойдут громить парткомы. Так вот, ты говоришь: «В Партии достаточно энергии». Да, энергия в ней еще сохраняется, но инициативу она упускает, как песок пропускает воду. А так называемые «молодые реформаторы» пользуются этим и подхватывают ее, но несут в массы уже на свой манер.

Все, дорогой мой Анатолий Анатольевич, «наш рулевой» зарулил не туда. Он сбился с того пути, по которому ему предстояло идти.

– Я много лет читаю лекции в областной Партийной школе. Сейчас мне слушатели задают те же вопросы: что да почему? Разбираем на семинарах постановления и по сельскому хозяйству, и по промышленности, и общеполитические установки. Спрашивают: «Почему же в основе своей верный курс Партии не дал положительных результатов?» К примеру, во времена Ю.В. Андропова, разве плохое было постановление о внедрении новой техники и новых технологий? А косыгинские начинания? Вроде все их поддерживали, но ведь они так и не получили развития. Твердят о консерваторах. Мы с тобой всю жизнь в Партии и не последние люди в сельском хозяйстве, вокруг нас такие же, как правило, преданные делу, специалисты и руководители. Где же они и кто они эти консерваторы.

– Я тоже до недавних пор преподавал в ВПШ при ЦК КПСС. И мне задавали те же вопросы. Помню, один секретарь из Чечено-Ингушетии встает и чуть ли не со слезами говорит: «Советская власть, КПСС дали мне образование, спасли мой народ от нищеты, мы живем и работаем в дружбе с другими народами СССР, а мой неграмотный дед всю жизнь гнул спину на чужих людей и умер больным и нищим человеком». Я, как и раньше, глубоко верю в идеи, которые заложены в основы нашей Партии, но я пришел к заключению, что тот самый «верный курс», о котором ты говоришь, при внимательном рассмотрении оказывается не таким уж верным, как бы того нам ни хотелось.

Да, мы привыкли повторять, что «под руководством Партии мы построили мощное и в экономическом, и в военном отношении государство. Создали определенную систему социальной защиты граждан». Но разве на Западе без нашей Партии не построены такие же современные государства? Разве у них не решен национальный вопрос? Да сейчас у чернокожего американца прав больше, чем у белого. Ты не

думал над тем, о чем свидетельствует наш лозунг - «Догнать и перегнать их». Почему мы их, а не они нас догоняем? Если мы лучше других, как о том всегда трезвонила пропаганда, то почему же мы всю жизнь их догоняем и никак не перегоним? «Промышленно развитая страна» – это естественный результат развития с Партией или без нее. Я не беру «третий мир», там своя специфика развития. Социальная защита граждан, да во многих странах она поставлена лучше, чем у нас, потому что у них средств на это больше. Что же касается т.н. новой общности «советский народ» - это же пропагандистская выдумка, которая обнаружится при первом же удобном случае. Все ожидали от этой общности каждый себе, особенно отсталые народы окраин. Не дождавшись многого, в наступающем хаосе они разбегутся в разные стороны и объявят своих вождей- баев, а Россию заставят каяться во всех смертных грехах.

– Это ты, Ваня, хватил. Если даже все рухнет, Союз останется, кто может до такого додуматься? Это же не выгодно ни с экономической, ни военно-политической точек зрения. Сам же говоришь, что этот секретер-чеченец чуть ли не плачет, а ведь его народ настрадался, может быть, больше других.

– А я что сказал, что выгодно? А кому выгодно рушить нашу экономику? Кому нужна демагогия о фермерских хозяйствах? Да русский мужик всегда жил общиной. Молчишь? То-то же!

– Я всегда говорил, что нужно усиливать работу с кадрами. Тщательнее подбирать партийно-хозяйственный актив и решительно освобождаться от всяких дармоедов и бездарей.

– Конечно, ты прав. Я много об этом думал и вот к чему пришел. Ты прав тактически, а стратегически это не коренное решение проблемы.

– ???

– Дело в том, что в каждом человеке заложены положительные и отрицательные психологические

качества. Каждое явление общественной жизни имеет своего антипода. В одних условиях больше развиваются положительные, созидательные качества, в других - они могут притупляться и на поверхности остаются отрицательные, разрушительные качества. В человеке одновременно живет и герой, и трус. Как на войне? Идет батальон в наступление, все вместе, все кричат «Ура», бойцы смирят свой страх, т.к. чувствуют друг друга, единство порыва. Своим героизмом, как говорится, они сметают сопротивление фашистов. И высоту взяли, и потери минимальные, все герои. В другом случае, сидят в окопчике два человека, а немецкая артиллерия бьет прямой наводкой, сосед убило, немцы наступают, вот-вот достигнут окопов. Что делать? А вдруг всех наших в соседних окопах уже побил? Нервы не выдерживают, «караул»! И солдатик тянет лапки вверх. И нет героя, а есть трус и предатель.

Так вот и о «линии Партии». Да, ее цели и лозунги чаще всего были верными, люди их понимали. Поэтому, я останусь коммунистом до конца. Но задачи, которые она ставила, были часто нереальными. Преждевременными, а потому – популистскими. Хотелось бы конечно, быстрее достичь «передовых рубежей светлого будущего». Кто бы не хотел? Вот и пошли завышенные плановые показатели, а в конечном итоге, волюнтаризм. Желаемое выдавалось за действительное. Скажи на милость, откуда эти призывы: «пятилетку – в четыре года» и т.д. Если ты все спланировал, как надо, то на какие шиши ты ускоряешь производственные процессы? Из рабочих и колхозников стали выжимать все соки, запричитали: «встречный план – норма жизни», а в замен «тринадцатая зарплата» и ни шиша больше и то не всем. Мысль понятна? - отец внимательно, даже напряженно, посмотрел на нас. – Помнишь 1959 год? Рязанская область как может дает показатели, а Н.С. Хрущев секретарю обкома говорит: «Нужен почин, дай два

плана сельхозпродукции, а мы тебе – «героя соцтруда». Секретарю деваться некуда: «Никита Сергеевич, обязуемся два плана!». Выходит от «хруща», а прихлебатели ему: «Уважь старика, пообещай три плана, вся страна на тебя равняться будет, ты же у нас герой!». Он и дал слабину, помнишь? А итог? «Героя» - на грудь, пулю - в лоб. Никита, так еще просил. А что раньше? При И. Сталине не просили, а командовали, кто осмеливался обдумывать планы, а не просто их выполнять – тех к стенке или в лагерь.

Так вот, уже с тех пор начала формироваться Система «борьбы» за выполнение невыполнимого. А вместе с ней – подсистема очковтирательства, командная система, система наказаний и т.п. Да, да и не прячь глаза, и ты, и я тоже «втирал очки», да еще как. Порой тоже по разнарядке. Тебе говорили: «Отчитайся по таким-то показателям, другому – по таким-то». Отчитаешься по факту, запоешь: «Десять лет трудовых лагерей подарил я рабочему классу».

А ты говоришь, работа с кадрами. Твоя работа с кадрами часто оборачивалась заменой принципиальных руководителей очковтирателями, которые за пыжиковую шапку, да корыто харчей так «вотрут», что сам поверишь. «Система» - вот что стало опорой и надеждой Партии и уже не она, а эта система господствовала и правила в стране, диктовала условия, а партия только управляла и отдельные люди ничего в ней не решали, а исполняли условия игры. Помнишь, еврокоммунисты предлагали концепции «демократического социализма», «социализма с человеческим лицом». Но наши «Сусловы» понимали, чуть качнешь в сторону либерализации, вся Система начнет рушиться по «принципу домино».

Отец замолчал, его взгляд устало застыл, глядя в одну точку. Казалось, он освободился от бремени мыслей, копившихся и мучивших его всю жизнь, но это не принесло ему облегчения, а наоборот, его постигли обида и разочарование.

— Я все понял, - прервал молчание Анатолий Анатольевич, - мы нужны были Системе потому, что люди нам верили. Партия провозглашала идеалы революции, а выполняла волю созданной ей Системы, мы верили в Партию, а Система опиралась на нашу веру и направляла нашу деятельность в нужное ей русло. Народ верил нам и поэтому верил Партии. Выходит, что «слепые вели слепых».

— Мы, «передовой авангард Партии», вольно или невольно обманывали народ, - Отец тяжело вздохнул и не отрываясь от своих внутренних мыслей, медленно произнес, - и оказались не «слугами народа», а «цепными псами» Системы». Отдали этой Системе все свои силы, но в конечном итоге стали поколением обманутых.

Отец постепенно вернулся в обычное свое состояние, посмотрел на меня, как бы ожидая слов поддержки, в надежде что я развею его мрачные мысли, скажу, что все не так, что зря они с Анатолием Анатольевичем берут вину на себя, что благодаря им наша страна выстояла в трудные годы, что они заслуживают тех орденов и почестей, которыми их награждали, что наше поколение их любит и уважает, и признательно за их нелегкий труд. Все это, конечно было так. Но я промолчал, понимал, что вмешиваться в разговор неуместно.

— Вот, сынок, тебе наша исповедь. Лишнего на стороне не болтай, но помни, что у каждого поколения есть свои проблемы и вашему поколению будет не проще. Постарайтесь не дать обмануть себя, побольше собранности и выдержки, но и спуску всяким бездарностям и лжепророкам не давайте. Старая Система рушится, от вас зависит какой будет новая, а без Системы тоже нельзя, без нее — хаос, как любит говорить наш «дядя Толя»: «Каждый будет дудеть в свою дудку, а оркестра не получится».

* * *

Однажды вечером отец позвал меня. Я застал его лежащим, как всегда высоко на подушках, с неизменной газетой в руках.

— Пришло время нам поговорить, — глядя прямо в глаза, сказал отец, — остаешься старший мужчина в семье и должен быть достоин этого положения.

Он остановился, вновь посмотрел на меня, но уже не таким строгим взглядом, как вначале, а каким-то хитровато-веселым, как это бывало, когда он затевал нечто, что должно было развеселить окружающих.

— Знаешь, что, принеси-ка мне глоток коньячку, у мамы в холодильничке, я знаю, у нее заначен отменный армянский коньячок, Гагик привез в прошлый раз прямо с завода, а она меня не допустила до него.

— ???

— Ладно, ладно, я нахожусь в таком положении, когда человеку уже многое можно. Под коньячок и поговорим. Ты и себе налей.

Когда я вернулся, отец, казалось, задремал. Газета лежала у него на груди, засыпая, он не успел снять очки. На первой странице «Правды» большими буквами сообщалось, что прошел очередной Пленум ЦК КПСС, который обсудил вопрос «О мерах по дальнейшему развитию и изысканию внутренних ресурсов сельского хозяйства».

Отец не дочитал газету, да это было ему и ни к чему. «Изыскивать» предстояло теперь другим. Не выпил он «на посошок» желанного коньячку. Он действительно как будто уснул — просто в какой-то момент сердце его сделало последний удар и встало. Жаль, что поговорить нам так и не удалось.

«Держись, сынок!»

Вскоре после его смерти приснился мне сон.

Вышел я как-то в ночь из города в деревню. Ночь была прекрасная: небо высокое, ни облачка, ни тучки, Луна полная, огромная, желтая, как желток от куриного яйца, она освещала округу так, что были видны отдельные листочки на деревьях, звезды, как ночные бабочки, окружали Луну и светились бледно-голубым светом.

В предвкушении предстоящего отдыха в кругу старых друзей и рыбалки в выходные дни, настроение у меня было приподнятое. Летник стелился под ногами, каждый кустик и деревце вдоль него были хорошо знакомы. Ничто не предвещало печальных перемен. Однако, где-то на середине пути, ситуация резко изменилась - невесть откуда потянуло прохладой и вскоре поднялся ветер, который пригнал облака, закрывшие и Луну, и звезды. Стало темно и неуютно, к тому же ветер принес с собой какой-то нестерпимо затхлый запах то ли лесной падали, то ли болотца, которое расквасило край леса, выходящий к дальнему углу поля, отделявшего лес от деревни.

Оглянувшись вокруг, я смутно различал окружавшую меня обстановку, даже стежка, по которой я шел, оказалась не видна у меня под ногами. Подняв взгляд, не увидел я и столбов. Подумалось: «Наверное, я задремал на ходу и сбился со стежки».

Вначале перемена погоды не вызвала у меня особого беспокойства. Я знал, что летник где-то рядом, да и до деревни, если пойти по лесу, рукой подать. Однако, вскоре понял, что полностью потерял ориентиры и не знаю, куда нужно идти, т.к. Луна абсолютно не прослеживалась на небе. К тому же обнаружилось, что в какую бы сторону я ни пошел, неизменно возвращаюсь на небольшую неизвестную мне ранее полянку с гнилым кряжем остатков векового дерева, поваленного ветром и опершегося на еще крепкие, толстые ветви, как причудливое животное.

Было очевидно, что произошло самое худшее: я попал в дьявольский круг или как его называли в деревне «лесное бучило». В такие бучила попадали и многоопытные местные жители, хорошо знавшие лес. «Дьявольским кругом» называют такие места в лесу, из которых человеку, попавшему в него, очень трудно, а порой и невозможно без посторонней помощи выбраться. Он может ходить весь день или ночь по кругу и возвращаться на одно и то же место.

Войдя на поляну в очередной раз, я с трудом разглядел пасущегося на ней коня. Сразу же подумалось: «Конь ушел из деревенского ночного табуна и непременно выведет меня к нему, куда-то в поле возле деревни. Подойдя к коню, я заметил, что в глазах его вспыхивают и гаснут желто-зеленые огоньки, которым я тогда не придавал особого значения. Он сливался с темнотой ночи и был еле-еле различим в ней при некоторых признаках света сквозь тяжелые облака. Конь оказался высоким вороным красавцем с пышной гривой. С моим приближением он скосил на меня глаза с огоньками и заржал так, что мурашки пробежали у меня по спине, и в этом ржании мне послышался какой-то дьявольский хохот и слова:

— Что, замерз и устал ходить по кругу? Ходить бы тебе здесь, не переходить. Хочешь прокачу, заодно и согреешься?

Внутренне мне хотелось ответить «да, хочу», «хочу, чтобы ты вывез меня в поле к табуну». Но я не ответив ничего, молча схватился за гриву и вскочил на него. Конь заржал, и мне послышалось в этом ржанье: «Уселся? Сейчас выйдем на летник и посмотрим, какой из тебя будет наездник».

Он сделал несколько шагов и вступил на летник, чему я был не мало удивлен. Я полночи искал, а летник оказался под ногами, да и столбы, особенно на фоне неба были хорошо видны.

Вначале конь шел мягкой рысью, примеряясь дороге, но вскоре он перешел в галоп и, как бы от удо-

вольствия время от времени оглашал окрестности диким ржанием, в котором мне продолжал слышаться хохот. Вскоре лес кончился, и мы выскочили на поле. Мрак ночи чуть-чуть подернулся утренним светом. Вначале я обрадовался, увидев родные места - крыши домов проступавшие сквозь утренние сумерки невдалеке за полем. Однако мой конь погнал не в сторону ожидаемого мною табуна, а по краю леса к болотцам.

— Как ты там? — заржал он. — Не хрустко тебе без седла?

— Ничего, - ответил я, - мы люди привыкшие. А сам подумал: «Это конец, не с тем конем я связался, да и конь ли это?». Вспомнилась ночная коряга на опушке леса, так похожая на этого лиходея. «Будь, что будет, - подумал я, - деваться теперь все равно некуда. Но при случае соскочу в кусты, если он попреет в болотца, а там и посмотрим».

— Это ты хорошо придумал, - отчетливо проступила в моей голове мысль коня. - Ба, да он же читает мои мысли.

— Выходит и ты читаешь мои. Давай, давай, выдумывай. Я даже подскажу тебе в какой куст лучше прыгнуть, где камней побольше. А то так не хочется лезть в эту болотную грязь, а надо. Так-то и дело будет сделано, ты в - кустах на камнях, где тебя только через неделю найдут, не раньше, и я копыта не замочу.

После этих слов все окончательно стало ясно. Но не успело чувство оптимизма покинуть меня, как наперерез коню из леса легкой рысцей вышла стая волков. Конь на мгновение затормозил и захрипел как будто его дыхание сдавила уздечка. Но в следующей момент он преодолел разочарование неожиданной встречи и понес вперед, не давая волкам полностью преградить ему путь к болотцам. Волки тоже не мешкали: выстроившись друг за другом, они ходко погнали след в след на перерез коню, стремясь отрезать

ему дорогу к болотцам. Мне оставалось только ждать, чем эта гонка закончится.

— Ну и ну, мало мне этого дьявольского коня, а здесь еще и стая волков, не видать мне теперь спасительного куста, только они меня в нем и ждали.

Волки мчались рядом, я даже слышал их тяжелое дыхание и видел вздыбленные холки. И вдруг меня пронзила мысль: «Почему они не нападают?» Приглядевшись, я понял, что они не собираются нападать и лишь стремятся выйти коню наперерез, дабы отсечь ему дорогу на болотца. Иными словами, они хотели мне помочь! Но конь был не настолько прост, чтобы уступить. Он гнал во всю мощь, и было ему не до того торжествующего ржання, которым он встретил меня там, в лесу ночью один на один.

Наконец-то показался бугорок с березкой на краю болотца, где обычно любили отдыхать охотники и туристы. Конь, почувствовав, что волки выдыхаются и не могут встать стеной на пути к его привычной стихии, вновь торжественно заржал и прибавил ходу. Однако его торжество, как выяснилось, было преждевременным. Когда он был готов совершить завершающий прыжок в теплое, мутное месиво болотца, на его пути неожиданно возник огромный белый волк. Он сидел под березкой и спокойно наблюдал за бешеной гонкой. Казалось, его не смущала возможность, что конь со всего маха пройдет по нему своими мощными копытами.

Увидев преграду на пути, конь резко осадил, выставив вперед копыта, так резко, что я чуть было не улетел через его голову в трясины. Волк гордо задрал вверх морду и завыл, глядя на проступившую сквозь облака Луну. Отзываясь на его призыв, стая расселась вокруг коня, в ожидании дальнейшей команды вожака. И вновь завыл белый волк, и слышалась в этом вое тоска о чем-то несбывшемся, намерение не отступить перед тяжелыми копытами соперника и внутреннее спокойствие перед предстоящей схват-

кой. В ответ конь заржал, но не так торжественно, как там, в лесу, а как бы прося уступить ему дорогу. В ответ у белого волка холка встала дыбом, и он третий раз коротко взвыл, встал на четыре лапы и приготовился к прыжку.

Со стороны деревни донесся слабый голос сонного петуха. Конь взвился на дыбы и упал, ударившись всей грудью о землю. В этот момент я почувствовал, что сижу на той коряге, которую видел ночью в лесу. Конь же исчез.

Я взглянул под березку, но и волка там не увидел, а стоял под ней старец в белом рубище, босой и с посохом в руке.

— Разве можно быть таким доверчивым? - услышал я голос старца. — Ты связался с дьяволом и должен был погибнуть.

Голос старца мне показался знакомым, приглядевшись к нему, я увидел, что передо мной стоит отец.

— Отец?! Как же я мог сразу определить, что это за конь?

— Никогда не спеши в выборе, тогда и не ошибешься, будь разборчивым и вдумчивым, веди себя сдержанно. Учись отличать добро от зла. Зло многолико, но оно имеет свои приметы и эти приметы нужно знать. Тогда отличишь благую весть от лукавой, в каком бы виде она не пришла к тебе.

Я уйду, поэтому от тебя потребуется больше самостоятельности. Помни, самостоятельность — это не вседозволенность и независимость от других людей, не чурайся людей, самостоятельность — это тяжелое бремя ответственности за принимаемые решения и поступки. Решай сам, как поступать в той или иной ситуации. Никто, кроме тебя, не пройдет твой путь. От тебя и твоих решений зависит, каким он будет и куда он тебя приведет.

Но не пренебрегай мнением других и прислушайся к мнению старших. Ты можешь знать больше,

но у старшего больше опыта. С возрастом к человеку приходит мудрость.

Никогда не берись за то, в чем не разбираешься. Если взялся за какое дело, то исполняй его в меру своих сил.

Не давай себя путать и дурачить пустыми ничемными заверениями и обещаниями. Знай цену лести и похвалам. Бойся льстецов и дураков. Их в жизни больше, чем кажется вначале. Помни: «Лошадь нужно бояться сзади, корову спереди, а льстеца, дурака и завистника – со всех сторон».

Не будь дерзким и никогда не кичись своим преимуществом перед другими – прослывешь бахвалом, но и не позволяй другим фамильярничать – сядут на шею. Уважай старших и не обижай младших и слабых. В тяжелую минуту иди к людям, а не замыкайся в себе. Не спеши судить о делах людей. Постарайся понять, почему они поступают так, а не иначе.

Из деревни послышалась петушиная разноглаголица. Казалось, каждый петух, проснувшись, на свой манер хотел объявить: «Ночь закончилась. Грядет утро».

– Возьми мой посох и ступай в деревню, – сказал отец, – а мне и моим братьям пора.

Отец и стая волков растворились в утреннем тумане, а я остался один с отцовским посохом в руках.

– Не пасуй перед трудностями, держись, сынок, – прозвучал голос отца у меня в сознании.

Я проснулся в деревне на сеновале, вернее, как бы очнулся от забытья и пожалел, что такой прекрасный сон кончился. Сено душисто пахло многотравьем, еще не успевшим потерять свой дух с тех пор, как его скосили. Вставало солнце, и деревенские петухи весело, наперебой возвещали, что новый день начался.

Вспомнился мне тот эпизод детства, когда лошадь понесла, и отец не смог остановить ее тогда, хотя вожжи натянул до предела. Увидев меня на те-

леге, он испугался, т.к. ничем не смог бы мне помочь, если бы телега перевернулась. Вот тогда он только и смог крикнуть мне: «Держись, сынок», но и этого оказалось достаточно, т.к. я сразу понял, что нужно делать.

Потом мне часто в трудную минуту приходили на память слова отца: «Держись, сынок». Они остались для меня тем посохом, который помогал преодолеть жизненное пространство во всем его противоречивом многообразии.